

3. *Стобей flor. 116, 45 M.* Демокедъ: по мѣрѣ того какъ возрастаетъ тѣло, растутъ и умственные силы, а когда тѣло старѣетъ, то и умъ старѣетъ и притупляется на всѣ дѣла. *Изъ Геродота III 134:* Наученная Демокедомъ, Атосса на спальномъ ложѣ сказала Дарію слѣдующее: „Теперь-то тебѣ и совершить какое-нибудь значительное дѣло, пока ты молодъ. Ибо по мѣрѣ роста тѣла растеть и умъ, со старостью же и онъ старѣетъ и ослабѣваетъ на все“.

Ю. Пармискъ.

1. *Ямвлихъ V. P. 267.* Метапонтинцы Бронтинъ, Пармискъ, Орестады, Леонъ и т. д. *Срв. 45 A.*

2. *Диогенъ IX 20.* Кажется, что онъ (*Ксенофанъ*) былъ проданъ (и освобожденъ) пифагорейцами Парменискомъ и Орестадомъ.

3. *Атений XIV° 614 A.* Парменискъ же изъ Метапонта, какъ рассказываетъ Семъ въ пятой книгѣ Деліады, бывший первымъ (мужемъ) и по знатности происхожденія и по богатству, спустился въ жилище Трофонія и по возвращеніи оттуда не могъ болѣе смѣяться. И когда онъ съ вопросомъ объ этомъ обратился къ оракулу, Пифія сказала:

„Ты, суровый, вопрошаешь о пріятномъ смѣхѣ. (Его) дасть тебѣ дома мать. Чти ее выше всего“.

Онъ надѣялся, что будетъ смѣяться, когда вернется въ отечество. Такъ какъ все-таки у него болѣе не было смѣха, то онъ думалъ, что обмануть. (И вотъ) какъ-то случайно онъ прибылъ въ Делосъ. И удивляясь всему на островѣ, онъ пришелъ и въ храмъ Латоны, думая увидѣть какую-нибудь замѣчательную статую матери Аполлона. Увидѣвъ же, что (послѣдняя есть) безформенное полѣно, онъ неожиданно размѣялся. И сравнивъ отвѣтъ бога и избавившись отъ дурного расположенія духа, онъ весьма почтилъ богиню. *Инвентарь храма Артемиды на Делосѣ Bull. corr. hell. XIV° 403, 17 и слѣд.:* серебряный кратеръ, который пожертвовалъ Пармискъ, вѣсомъ...

II. Ксенофанъ.

Ксенофанъ происходилъ изъ Колофона, іонійской колоніи въ Малой Азіи. Двадцати пяти лѣтъ отъ роду онъ вынужденъ былъ покинуть родину и съ того времени велъ жизнь странника. Въ теченіе семи десятковъ лѣтъ (а, можетъ быть, и болѣе) онъ странствовалъ по Греціи, Италиі и Сициліи. Умеръ онъ въ глубокой старости.

Время жизни Ксенофана Колофонскаго нельзя точно установить (по Дильсу, 565—473 г.). Мы знаемъ только, что дѣятельность его приходится на время между Пифагоромъ и Гераклитомъ.

Относительно общаго характера дѣятельности Ксенофана существуетъ разногласіе, которое сводится къ положительному или отрицательному рѣшенію вопроса: можно ли считать Ксенофана основателемъ элейской ¹⁾ философіи? Не безъ основанія Таннери и J. Burnet выступаютъ противъ помѣщенія Ксенофана во главѣ элейской философіи. Изъ фрагментовъ Ксенофана не вытекаетъ подобная историческая позиція его, признаніе Ксенофана основателемъ элейской философіи покоится исключительно на дошедшемъ до насъ маленькомъ псевдо-аристотелевскомъ сочиненіи, цѣнность котораго, какъ историческаго источника, довольно сомнительна. Отъ той или иной позиціи, которую мы займемъ по отношенію къ этому сочиненію, будетъ зависѣть и историческое мѣсто Ксенофана у насъ ²⁾.

Въ общемъ, Ксенофанъ можетъ считаться главою элейской философіи съ *такимъ же* правомъ, какъ Пиеагоръ—главою пиеагорейской и Фалесъ—милетской философіи. Историкъ, который предпочелъ бы держаться въ сторонѣ отъ гипотезъ и не итти дальше того, что даютъ *несомнѣнные* факты, долженъ былъ бы отдѣлить дѣятельность этихъ трехъ мужей отъ философскихъ школъ, съ которыми обыкновенно ихъ связываютъ. Историческія нити, связывающія ихъ, какъ главъ и основателей, съ упомянутыми направленіями, весьма слабы. И если мы и считаемъ возможнымъ признать, что отъ нихъ исходилъ толчокъ для развитія тѣхъ философскихъ школъ, то прямое утвержденіе объ основаніи ими этихъ философскихъ направленій мы можемъ допустить лишь какъ гипотезу.

Ксенофанъ прежде всего поэтъ-юмористъ и сатирикъ. Насмѣшка его задѣваетъ „всѣ свѣтыни эллинскаго міровоззрѣнія“. Онъ нападаетъ на греческую религію, на міеологию и пластику, на народныя идеалы и нравственность, отвергаетъ мантику, выступаетъ противъ политеизма, антропоморфизма и націонализма боговъ. Нападаетъ онъ и на олимпійскія игры и на культъ физической силы и красоты. Насмѣшка его направляется не только на преданія старины, но равнымъ образомъ на новшества въ нравахъ (онъ нападаетъ на роскошь и пьянство, проникшія въ Грецію), а также на новыя взгляды и ученія (не только Гомеръ и Гезіодъ, но и Фалесъ, Пиеагоръ и Эпименидъ затронуты его насмѣшкой). Въ значительной мѣрѣ его полемика вытекаетъ изъ его нравственнаго сознанія, которое не удовлетворяется нравственными идеалами, господствующими въ народѣ и народной религіи. Но насмѣшливый тонъ настолько силенъ, такъ ха-

¹⁾ Философское направленіе, главными представителями котораго были Парменидъ и Зенонъ, уроженцы города Элеи въ Великой Греціи (городъ назывался сначала Гіеле, затѣмъ Элея, и, наконецъ, былъ названъ римлянами Велія).

²⁾ Ницше (*D. Philosophie im tragisch. Zeitalter d. Griechen*) прямо говоритъ, что между Ксенофаномъ и Парменидомъ нѣтъ никакой связи, что у нихъ нѣтъ ничего общаго. Таннери (стр. 130) говорятъ: „Парменидъ вполнѣ независимъ отъ Ксенофана, и Ксенофанъ занимаетъ совсѣмъ особое мѣсто“. По J. Burnet'у, „первымъ элеагомъ“ сдѣлалъ Ксенофана Аристотель, но это лишь историческое построеніе самого Аристотеля, которое не соответствуетъ дѣйствительности.

рактеренъ для него, что мы не знаемъ, какъ должно отнестись къ его физическимъ теоріямъ. Кажется, что это лишь пародія на научныя объясненія, данныя предшествовавшими ему мыслителями. Въ нихъ, думается намъ, имѣлось въ виду лишь осмѣять научныя теоріи предшественниковъ. Однако, не исключена возможность, что эти причудливыя построенія имѣли у Ксенофана серьезное значеніе. И если, въ самомъ дѣлѣ, Ксенофанъ, всю долгую жизнь свою проведеній въ странствованіяхъ, въ неустанномъ переходѣ изъ одного города въ другой, является первымъ мыслителемъ, отрицавшимъ движеніе въ мірѣ, то не звучитъ ли это, какъ насмѣшка поэта-юмориста надъ самимъ собой?

Насмѣшливый тонъ Ксенофана какъ нельзя лучше гармонируетъ съ его общимъ скептическимъ настроеніемъ. Онъ прямо говоритъ, что истинное познаніе недостижимо, что чувства обманчивы, что нѣтъ критерія истины. Даже если бы кто-нибудь случайно попалъ на истину, то онъ не зналъ бы объ обладаніи ею. Обо всемъ мы можемъ имѣть лишь мнѣніе. Такъ, исторія греческаго скептицизма начинается съ Ксенофана.

Корни этого скепсиса ¹⁾ лежали въ орфической мистикѣ, къ которой близокъ былъ Ксенофанъ. Орфизмъ давалъ низкую оцѣнку тѣлу съ его органами чувствъ и, какъ мистическое теченіе, не довѣрялъ и силѣ разума. Изъ того же орфическаго источника, въ которомъ имѣлъ свои корни скепсисъ Ксенофана, вытекали и составившіе ему славу религиозно-философскіе его взгляды. Платонъ (въ „Софистъ“ р. 242) говоритъ, что ученіе о „всеединствѣ“ (*ἐν καὶ πᾶν*) древнѣе Ксенофана. Въ орфическомъ пантеизмѣ мы слышимъ, что „одинъ богъ во всемъ“, что вселенная—тѣло божества, что Зевсъ—начало, середина и конецъ всѣхъ вещей. Въ томъ же направленіи идетъ и религиозное ученіе Ксенофана. Сущность послѣдняго можетъ быть выражена такъ: нѣтъ ничего, кромѣ единого бога. Богъ и бытіе тождественны. Этотъ „богъ—вселенная“ есть матеріальное тѣло, которое повсюду однородно, все одушевлено, всѣмъ своимъ существомъ видитъ, слышитъ и мыслитъ. По формѣ это—шаръ, который не дышитъ (противъ ученія Анаксимена и пифагорейцевъ), но обладаетъ жизнью и сознаніемъ.

Мировоззрѣніе Ксенофана опредѣляютъ какъ „пантеистическій монотеизмъ“ (Кинкель, стр. 135). „Богъ—единъ“ и „все божественно“—таковы основныя положенія Ксенофана. Однако, наряду съ ними въ мировоззрѣніи Ксенофана находитъ себѣ мѣсто и признаніе многихъ божественныхъ (т. е. сверхчеловѣческихъ) существъ. Чистый монотеизмъ находятъ у Ксенофана Целлеръ, Дильсъ и др., противъ этого взгляда выступаютъ Фрейденталь ²⁾ и Т. Гомперцъ. Они указываютъ на то, что

¹⁾ См. J. Dörfler. Die Eleaten und die Orphiker 1911.

²⁾ J. Freudenthal. Ueber die Theologie des Xenophanes 1886 и Zur Lehre des Xenophanes (Arch. f. Gesch. d. Ph. I, стр. 322—347). Раньше такъ же высказался Bergk въ своей исторіи греческой литературы.

строгий монотеизмъ (напримѣръ, іудейскій и христіанскій) для греческаго сознанія всегда былъ тождественъ съ безбожіемъ и нечестіемъ, между тѣмъ какъ Ксенофанъ былъ исполненъ глубокой эллинской религіозности. Притомъ подлинныя выраженія Ксенофана скорѣе говорятъ за признаніе имъ существованія и низшихъ подчиненныхъ боговъ. Дерингъ¹⁾ пытается рѣшить этотъ споръ различіемъ двухъ фазисовъ въ развитіи міровоззрѣнія Ксенофана: вначалѣ Ксенофанъ былъ политеистомъ, хотя его нравственное чувство не мирилось съ господствующими представленіями о нравственности боговъ; къ этому времени относится полемика Ксенофана противъ народной міеологіи и его сомнѣніе въ силахъ человѣческаго разума; позже Ксенофанъ приходитъ къ новому (монотеистическому) понятію о божествѣ, причеиъ нравственная точка зрѣнія тутъ уже не является болѣе руководящей. Однако, справедливо замѣчаетъ по поводу этого Гильбертъ²⁾, что осмѣяніе народной вѣры является у Ксенофана скорѣе лишь отрицательной стороной его позитивнаго ученія о богѣ.

Основной тенденціей у Ксенофана является моно-пантеистическая: онъ признаетъ единую божественную субстанцію вселенной. Низшія божества, существованія которыхъ онъ не отрицаетъ, суть лишь проявленія единаго высшаго божества. Жизнь единаго подлиннаго божества исключаетъ, съ одной стороны, движеніе и измѣненіе, съ другой, покой небытія. Ксенофанъ приписываетъ божественной субстанціи жизнь безъ измѣненія (онъ такимъ образомъ прокладываетъ путь, по которому движется понятіе Бога въ позднѣйшія времена). Но являясь въ то же время пантеистомъ, онъ намѣчаетъ и новое рѣшеніе космической проблемы. Если до него одни (Гезіодъ, Эпименидъ) представляли исторію вселенной, какъ развитіе изъ темной, неразумной основы (хаоса, мрака, ночи), другіе же (Гермотимъ, Ферекидъ) ставили въ началѣ мірового развитія совершеннѣйшее начало, изъ котораго возникли менѣе совершенныя вещи, то Ксенофанъ занимаетъ среднее между ними положеніе. Для него нѣтъ возникновенія ни худшаго изъ лучшаго, ни лучшаго изъ худшаго, но міръ всегда находится въ одномъ и томъ же состояніи.

Космологія Ксенофана дуалистична. Въ основу ея положена противоположность плотнаго и жидкаго, или сухого и влажнаго, или земли и моря. Всѣ вещи по своему составу суть земля и вода. Такъ, воздухъ есть разрѣженная вода. Источникъ водъ—море, изъ испареній котораго образуются также облака, вѣтры и воздухъ. Небесныя свѣтила, радуга, огни св. Эльмса, молнія—все это огненныя облака. Свѣтила движутся по безконечной прямой, видимая кривизна ихъ движенія есть оптическій обманъ. Каждый день—новое солнце, каждую ночь новыя звѣзды. Превжнія ушли отъ насъ въ безконечность. Солнце, луна и звѣзды суть только атмосферическія явленія (свѣтящіяся облака). Подобно углямъ, они то

¹⁾ Döring. Xenophanes (Preuss. Jahrb. Bd. 99. 1900) и Gesch. d. griech. Phil. 1903.

²⁾ O. Gilbert (Gött. gelehrte Anzeigen 1909 № 12, стр. 1010).

гаснуть, то вновь возгораются. Каждая область земли (каждый „горизонтъ“) имѣетъ особое солнце, особую луну и свои звѣзды. Земля освѣщается одновременно безчисленнымъ числомъ солнць.

Наибольшій интересъ представляютъ геологическіе и палеонтологическіе взгляды Ксенофана. Исторію земли онъ представлялъ себѣ не какъ рядъ катастрофъ, но какъ процессъ постояннаго медленнаго измѣненія, слѣдствіемъ котораго являются великія перемѣны. Онъ сдѣлалъ вѣрные выводы изъ наблюдений ископаемыхъ остатковъ растений и животныхъ (отпечатки рыбъ и водорослей въ сиракузскихъ каменоломняхъ и нахождение морскихъ раковинъ на Мальтѣ).

Какая пестрая ткань получится, если мы соединимъ космологію и теологію Ксенофана въ одно цѣлое, можно видѣть на примѣрѣ Деринга. По его реконструкціи ученія Ксенофана, единый богъ слагается изъ двухъ несводимыхъ другъ на друга элементовъ: земли и воды. Подъ своимъ шаровиднымъ богомъ Ксенофанъ понимаетъ только нашу землю (она одна для него составляетъ всю вселенную); пространство вокругъ земли есть для Ксенофана пустота, ничто, несущее. Геологія есть исторія жизни божества. Вначалѣ вода и земля не были раздѣлены, но образовывали единую массу ила. Такимъ образомъ первоначально богъ былъ громаднымъ комомъ грязи шаровидной формы, комомъ ощущающимъ и мыслящимъ.

Однако, несоединимость теологіи и космологіи Ксенофана видна уже въ исходномъ пунктѣ; Богъ, тождественный со вселенной, единъ не только по числу, но и по качеству: его существо совершенно однородно (поэтому также и неизмѣняемо). Космологія же начинается прямо съ дуалистическаго противоположенія земли и воды (плотнаго и жидкаго) и говоритъ о большихъ и малыхъ перемѣнахъ въ мірѣ. Поэтому мы склонны понимать космологію Ксенофана, какъ пародію на предшествовавшія ему системы философіи. Самъ же Ксенофанъ скорѣе долженъ былъ бы учить вѣчности и неизмѣняемости міра и отвергать космогонію, такъ какъ бытіе міра всегда равно самому себѣ¹⁾.

Сочиненія Ксенофана были написаны стихами. Ихъ можно раздѣлить на 1) эпическія (Ксенофанъ воспѣлъ основаніе Колофона и затѣмъ основаніе Элея), 2) силлы и пародіи (сатиры), 3) элегіи и 4) дидактическая поэма: „О природѣ“. Въ существованіи послѣдней сомнѣваются Танери и J. Burnet. По ихъ мнѣнію, дошедшіе до насъ отрывки дидактическаго характера не составляли особаго сочиненія, но входили въ составъ силлъ и пародій. Напротивъ, Целлеръ, Дильсъ и др. говорятъ объ остаткахъ дидактической поэмы „О природѣ“. По ихъ мнѣнію, Ксенофанъ далъ прототипъ для философскихъ поэмъ Парменида и Эмпедокла и такимъ образомъ своей поэмой открылъ для поэзіи новую область.

Спеціальную монографію Ксенофану посвятилъ Аристотель (*πρὸς τὰ Ξενοφάνους ἄ*), но она до насъ не дошла. Зато подъ именемъ Аристотеля

¹⁾ См. G. Teichmüller. Studien zur Geschichte d. Begriffe 1874. стр. 622.

дошло до насъ небольшое сочиненіе съ заглавіемъ „О Ксенофанѣ, Зенонѣ и Горгіи“. На самомъ дѣлѣ, это—сочиненіе перипатетика перваго вѣка по Р. Хр. и, согласно своему содержанію, оно должно носить заглавіе „О Мелиссѣ, Ксенофанѣ и Горгіи“. Послѣ ряда изслѣдованій, посвященныхъ выясненію вопросовъ: кто авторъ сочиненія, къ кому относятся три части его и насколько достовѣрны сообщаемыя въ немъ свѣдѣнія, удалось установить слѣдующія положенія. Въ первой части (с. 1 и 2) говорится о Мелиссѣ (это доказали Buhle, Spalding, Fülleborn, Brandis). Вторая часть (с. 3 и 4) долгое время оставалась спорной, и въ ученой литературѣ было колебаніе между Зенономъ и Ксенофаномъ. Но теперь можно считать установленнымъ, что эта часть имѣетъ въ виду Ксенофана, а именно, существенная часть ея идетъ изъ болѣе древняго трактата о Ксенофанѣ¹⁾, но авторъ нашего сочиненія по ошибкѣ отнесъ все это къ Зенону, дополнивъ данныя тамъ свѣдѣнія сообщеніями о Зенонѣ изъ другого источника (такимъ образомъ часть здѣсь, дѣйствительно, относится къ Зенону). Наконецъ, послѣдній отдѣлъ говоритъ о Горгіи. Что касается сообщеній о Мелиссѣ и Горгіи, то они заимствованы изъ хорошаго источника и должны быть признаны вѣрными. Большой осторожности требуетъ пользованіе отдѣломъ о Ксенофанѣ. Въ X изданіи Grundriss'a Ибервега, по обсужденіи доводовъ pro и contra, принимается, хотя и съ нѣкоторыми оговорками относительно формы развитія мыслей, слѣдующій конечный итогъ: нѣтъ серьезныхъ основаній недоувѣрять исторической вѣрности сообщеній о Ксенофанѣ и можно пользоваться псевдо-аристотелевскимъ сочиненіемъ, какъ источникомъ для философіи Ксенофана.

Если мы введемъ псевдо-аристотелевское сочиненіе de MXG. въ кругъ нашихъ источниковъ о Ксенофанѣ, то мы будемъ имѣть не только Ксенофана скептика, теолога и космолога, но также Ксенофана догматика-метафизика²⁾. Въ сочиненіи de MXG. Ксенофану приписывается діалектическое мышленіе и методическое развитіе доказательствъ. Правда, способности доказательства носятъ примитивный, архаическій характеръ (Döring). Этотъ рядъ умозаключеній является чуждымъ современному мышленію, онъ полонъ очевидныхъ противорѣчій, недостаточныхъ аргументовъ и пробѣловъ въ ходѣ доказательства (Fr. Kern). Ученіе, развиваемое здѣсь, сводится къ слѣдующему. Нѣтъ множественности и движенія. Въ мірѣ нѣтъ пустоты и нѣтъ пространственно раздѣленныхъ частей, нѣтъ никакого движенія и измѣненія. Есть лишь единое, наполняющее все пространство бытіе, полное мышленія и ощущенія. Это—единое сущее, или богъ. Въ выведеніи свойствъ этого бога Ксенофанъ отправляется отъ идеи совершенства его. Богъ единъ, вѣченъ, повсюду однороденъ, всегда подобенъ самому себѣ, неизмѣняемъ. Онъ всевѣдущъ, всемогущъ и всѣмъ управляетъ. Ощущаетъ и мыслить онъ всѣмъ своимъ существомъ.

¹⁾ Можетъ быть, использовано сочиненіе Аристотеля о Ксенофанѣ.

²⁾ Иногда даже называютъ Ксенофана первымъ метафизикомъ въ исторіи греческой мысли (напр. Ибервегъ X изд., Тейхмюллеръ).

Онъ тѣлесенъ и имѣеть форму шара; онъ не безпредѣленъ и не ограниченъ, не движется и не покоится. Антиномія ограниченности и безконечности, которую мы здѣсь встрѣчаемъ, объясняется представленіемъ древнихъ о шарѣ¹⁾. Для нихъ шаръ есть самое первое, самое совершенное и самое прекрасное изъ всѣхъ тѣлъ, одновременно ограниченное и неограниченное, движущееся и неподвижное. Шаръ мыслится какъ тѣло, замкнутое въ самомъ себѣ, самодовлѣющее, носящее въ себѣ свое опредѣленіе (а не опредѣляемое своими внѣшними границами). Антиномія же движенія и покоя, отнесенная къ единому абсолютно однородному шару, заключаетъ въ себѣ зародышъ идеи объ относительности движенія: въ самомъ дѣлѣ, если бы существовалъ только единый шаръ, вполне однородный во всѣхъ своихъ частяхъ, то не могло бы быть рѣчи ни о движеніи, ни о покоѣ.

Иначе рѣшаетъ вопросъ объ антиноміяхъ, приписываемыхъ Ксенофану, Дерингъ. По его мнѣнію, то движеніе, которое отрицается у божества, есть пассивное движеніе, но этимъ не исключается активное само движеніе божества. Точно такъ же онъ рѣшаетъ и вторую антиномію. Божество не можетъ быть мыслимо, какъ ограниченное чѣмъ-нибудь другимъ, но оно активно ограничиваетъ само себя.

Таковъ загадочный образъ Ксенофана, переданный намъ древностью: онъ является передъ нами какъ первый скептикъ и первый догматикъ-метафизикъ, мистикъ-теологъ и рационалистъ-діалектикъ, монистъ и дуалистъ, дающій не то физическія теоріи, не то пародіи на нихъ.

А. ЖИЗНЬ И УЧЕНІЕ.

1. *Лаэртий Диогенъ IX 18—20 (18)* Ксенофанъ, сынъ Дексія или, какъ говоритъ Аполлodorъ, Ореомена, колофонецъ. Его хвалитъ Тимонъ, говоря (*срв. 11 А 35*):

„Чуждый спеси Ксенофанъ, порицающій обманщика Гомера“.

Будучи изгнанъ изъ отечества, онъ (жилъ) въ Занклѣ въ Сициліи (и принявъ участіе въ выселеніи въ Элею, училъ тамъ), также жилъ онъ и въ Катанѣ. Согласно нѣкоторымъ, онъ не былъ ничѣмъ ученикомъ (согласно же другимъ, онъ слушалъ Ботона аеипскаго или, какъ утверждаютъ иные, Архелая²⁾). И, какъ говоритъ Сотіонъ, онъ былъ современникомъ Анаксимандра. Онъ написалъ эпическія стихотворенія, элегіи и ямбы противъ Гезіода и Гомера, въ которыхъ порицаетъ ихъ рассказы о богахъ. Онъ и самъ распѣвалъ свои собственныя стихотворенія. Говорятъ, что онъ выступалъ противъ мнѣній Фалеса (*11 В 19*) и Пиеагора (*В 7*), нападалъ также и на Эпименида (*В 20*). Онъ достигъ глубокой старости. о чемъ онъ и самъ какъ-то говоритъ... (*см. В 8*).

¹⁾ Срв. Berger. Untersuchungen über das kosmische System des Xenophanes (Ber. üb. d. Verhandl. d. K. S. Gesell. d. Wiss. zu Leipzig, 1895, Bd. 46).

²⁾ Въ скобки заключена Г. Дильсомъ ложная вставка, которая, вѣроятно, относилась къ Ксенофонту.

(19) Онъ учить¹⁾, что есть четыре стихіи (элемента) сущаго, что существуетъ безконечное число міровъ, которые неизмѣнны. Облака образуются, когда испареніе вытягивается солнцемъ вверхъ и поднимается въ атмосферу. Существо божье шарообразно и нисколько не подобно человѣку. Божество всѣмъ своимъ существомъ видитъ и все оно слышитъ, однако не дышитъ. Также все оно есть умъ, мышленіе и вѣчность. Онъ первый сказалъ, что все возникающее тѣнно и что душа есть дыханіе.

Также онъ говорилъ, что большинство слабѣ ума; и что слѣдуетъ или какъ можно рѣже встрѣчаться съ тираннами или какъ можно больше угождать имъ²⁾.

(20) Когда Эмпедоклъ сказалъ ему, что нельзя найти мудреца, онъ замѣтилъ: „Естественно. Ибо для того, чтобы распознать мудреца, нужно самому быть мудрецомъ“ (*срв. 21 А 20*). Сотіонъ же ошибочно говоритъ, будто Ксенофанъ первый сказалъ, что все непостижимо (*срв. 11 В 34*).

Онъ также воспѣлъ основаніе Колофона и переселеніе въ Элею Италійскую въ двухъ тысячахъ стиховъ. Акме его пришлось около 60 олимпіады (540—537, *срв. В 8, 4*). Димитрій же Фалерскій въ сочиненіи: „О старости“ и стоикъ Панэцій въ сочиненіи: „О хорошемъ расположеніи духа“ говорятъ, что онъ, подобно Анаксагору, собственноручно похоронилъ своихъ сыновей. Кажется, что онъ былъ проданъ въ рабство (и выкупленъ) пиеагорейцами Парменискомъ и Орестадомъ, какъ сообщаетъ Фаворинъ въ первой книгѣ „Записокъ“. Былъ еще другой Ксенофанъ, лесбійскій поэтъ, писавшій ямбы.

2. — IX 21. Элеатъ Парменидъ, сынъ Пирета, былъ ученикомъ Ксенофана. Послѣдній, какъ говоритъ Теофрастъ въ „Сокращеніи“, былъ ученикомъ Анаксимандра. *Срв. 18 А 1*.

3. *Гераклитъ (12 В 40)*. Многознаніе не научаетъ уму; въ противномъ случаѣ, оно научило бы Гезіода, а также Пиеагора, Ксенофана и Гекатея.

4. *Цицеронъ Acad. II 118 (изъ Теофраста)*. Жившій нѣсколько раньше (*Анаксагора*) Ксенофанъ (училъ), что все—едино.

5. *Диогенъ VIII 56 (см. 21 А 1)*. Гермиппъ (передаетъ), что (Эмпедоклъ) былъ почитателемъ не Парменида, но Ксенофана, у котораго онъ лично учился и эпической поэзіи котораго подражалъ.

6. (*Лукіанъ*). *Macrobius. 20*. Ксенофанъ, сынъ Дексина, ученикъ же физика Архелая, прожилъ 91 годъ.

7. *Цензоринъ 15, 3*. Ксенофанъ Колофонскій прожилъ болѣе ста лѣтъ.

8. *Климентъ Strom. I 64*. Элеатскому ученію начало полагаетъ Ксенофанъ Колофонскій. Тимей говоритъ, что онъ былъ современникомъ

¹⁾ Эта тирада представляетъ собой извлеченіе изъ „Физическихъ мнѣній“ Теофраста.

²⁾ По гречески здѣсь игра словъ: ἡ ὄσ ἡμῶτα ἡ ὄσ ἡδῶτα.

Гіерона, правителя Сициліи, и поета Эпихарма, Аполлодоръ же (сообщаетъ), что онъ родился въ 40 олимпіаду (620—617) и прожилъ до временъ Дарія и Кира. *Изъ того же источника Секстъ adv. math. I 257.* Ксенофанъ Колофонскій родился около 40 олимпіады (*срв. В 8*).

9. *Евсевій Chron.* а) Въ 56 олимпіаду (556—3) сталъ извѣстнымъ Ксенофанъ Колофонскій. б) Въ олимп. 59—61 (*Arm. 60, 1=540*) лирическій поэтъ Ивикъ, историкъ Ферекидъ, Фокилидъ и физикъ Ксенофанъ, авторъ пародій. *Срв. А 1.*

10. *Теологумены Ариѳметики (см. выше 4, 8).*

Апофтегматика ¹⁾).

11. *Плутархъ reg. apophth. p. 175 c.* Ксенофану Колофонскому, сказавшему, что онъ съ трудомъ прокармливаеъ двухъ слугъ, (*Гіеронъ*) замѣтилъ: „между тѣмъ Гомеръ, котораго ты поносишь, послѣ своей смерти кормить болѣе десяти тысячъ“.

12. *Аристотель Rhet. В 23. 1399 b 5.* Другое (*общее мѣсто*) основывается на слѣдующемъ: если слѣдствіе тождественно, то тождественны и (посылки), изъ которыхъ оно вытекаетъ. Такъ, напримѣръ, Ксенофанъ говорилъ, что „одинаково нечестиво поступаютъ какъ тѣ, которые утверждаютъ, что боги родились, такъ и тѣ, кто говоритъ, что боги умерли“. Ибо и въ томъ и въ другомъ случаѣ выходитъ, что есть время, когда боговъ нѣтъ.

13. *Аристотель Rhet. В 26. 1400 b 5.* Такъ, Ксенофанъ на вопросъ элеатовъ, плакать ли имъ или нѣтъ при жертвоприношеніи Левкотеѣ, совѣтовалъ не плакать, если они признаютъ ее божествомъ, а если считаютъ ее человѣкомъ, то не приносить ей жертвъ. *Иначе Плутархъ Amat. 18, 12. 736 D.* Ксенофанъ далъ совѣтъ египтянамъ: если они считаютъ Озириса смертнымъ, то, какъ смертнаго, не чтить его; а если они считаютъ его богомъ, то не оплакивать его. *De Is. et Os. 70. 379 В.* Итакъ, Ксенофанъ Колофонскій правильно требовалъ, чтобы египтяне не оплакивали ихъ, если признаютъ ихъ богами, а если оплакиваютъ, то не считали бы ихъ богами (*срв. 12 В 127*) *De Superstit. 13 p. 171 e.* Физикъ Ксенофанъ, видя, что египтяне на празднествахъ бьютъ себя въ знакъ печали и поютъ плачевныя пѣсни, правильно замѣтилъ: „Если они—боги, то не оплакивайте ихъ. А если они—люди, то не приносите имъ жертвъ“.

14. *Аристотель Rhet. А. 15. 1377 a 19.* Правильно изреченіе Ксенофана, что это предложеніе (*принять присягу*) ставить въ неравныя условія человѣка безбожнаго сравнительно съ благочестивымъ; это похоже на то, какъ если бы сильный дѣлалъ вызовъ слабому побить его или (самому) быть побитымъ.

¹⁾ *Срв. А 1.*

15. *Аристотель Metaph. Г 5. 1010 а 4.* Вслѣдствіе этого они говорятъ правдоподобно, но не говорятъ истины. Ибо такъ сказать подобаеъ скорѣе, нежели какъ Эпихармъ (сказалъ) относительно Ксенофана ¹⁾).

16. *Плутархъ de vid. pud. 5 р. 530 е.* Не стыдись и не страшись, когда тебя осмѣиваютъ, но подражай Ксенофану, который, когда герміонецъ Ласъ обругалъ его трусомъ за то, что онъ не желалъ играть съ нимъ въ кости, согласился, что онъ даже весьма трусливъ и робокъ по отношенію къ постыднымъ дѣламъ.

17. *Плутархъ de comm. notit. 46, 3 р. 1084 F.* Такимъ образомъ Ксенофанъ, когда кто-то рассказывалъ, что онъ видѣлъ угрей, жившихъ въ горячей водѣ, сказалъ: „Итакъ, станемъ варить ихъ въ холодной“.

Поэзія.

18. *Диогенъ IX 22.* И онъ самъ (*Парменидъ*) философствуетъ въ стихотворной формѣ, подобно Гезіоду, Ксенофану и Эмпедоклу. *Срв. 1 В 1 и 11 А 5.*

19. *Диогенъ IX 18 (см. выше). II 46.* По смерти же (Гомера съ нимъ соперничалъ) Ксенофанъ Колофонскій, съ Гезіодомъ при его жизни соперничалъ Керкопсъ, а послѣ смерти вышеупомянутый Ксенофанъ.

20. *Страбонъ XIV р. 643.* Физикъ Ксенофанъ, сочинившій „Силлы“ въ стихахъ.

21. *Апулей Florida с. 20.* А именно, сочиняеъ Эмпедоклъ стихотворенія, Платонъ діалоги... Ксенократъ (*Ксенофанъ?*) сатиры.

22. *Проклъ къ Hesiod. opp. 284 (изъ Плутарха).* Ксенофанъ, говорятъ, вслѣдствіе какой-то душевной низости по отношенію къ современнымъ ему философамъ и поэтамъ, составилъ неприличные Силлы противъ всѣхъ философовъ и поэтовъ.

23. *Schol. АВГ къ В 212.* Впервые не Ксенофаномъ, но еще Гомеромъ были сочинены Силлы, въ которыхъ онъ осмѣиваетъ Терсита и Терситъ знать.

24. *Арій Дидимъ у Стобея есл. II 1, 18.* Впервые ученіе, достойное увѣковѣченія, у эллиновъ принадлежало Ксенофану, который одновременно порицалъ въ шуткѣ дерзкія ученія другихъ и обнаруживалъ свою собственную разсудительность; точно богъ, онъ, дѣйствительно, зналъ истину... (*цитируется В 34, 4*). *Срв. 11 А 35.*

25. *Цицеронъ Acad. prior. II 23, 74.* Парменидъ и Ксенофанъ, хотя и менѣе хорошими стихами (*чѣмъ стихи Эмпедокла*), все-таки въ стихахъ бранятъ, какъ будто разсердившись, за чрезмѣрное притязаніе тѣхъ, которые осмѣливаются утверждать, что они знаютъ, между тѣмъ какъ ничего нельзя знать.

¹⁾ Гомперцъ полагаетъ, что Эпихармъ такъ выразился относительно ученія Ксенофана о богахъ: „правдоподобно онъ не говорилъ этого, но говорилъ истинно“.

26. *Филонъ de provid. II 39.* Однако, не очень-то Ксенофанъ, Парменидъ, Эмпедокль и всѣ прочіе теологи были плѣнены поэзіей божественнаго мужа (*т. е. они не представляли боговъ лживыми*), но скорѣе они, предавшись съ радостью изученію природы и посвящая всю свою жизнь благочестію и хвалѣ боговъ, были извѣстны какъ подлинно наилучшіе мужи, а все-таки поэтами они были неискусными: слѣдовало бы, чтобы имъ, по волѣ боговъ, выпали вдохновеніе и въ качествахъ милости съ неба размѣръ, стихосложеніе, небесный и божественный ритмъ для того, чтобы они оставили (намъ) истинныя поэмы, которыя были бы совершеннымъ прототипомъ книги и прекраснымъ образцомъ для всѣхъ. *Тамъ же 42.* Но почему Эмпедокль, Парменидъ, Ксенофанъ и хоръ ихъ подражателей не получили вдохновенія Музъ, когда они занимались теологіей?

27. *Атены XIV 632 C D.* Что древніе имѣли весьма близкое отношеніе къ музыкѣ, очевидно и на (примѣрѣ) Гомера. Вслѣдствіе того, что ко всей его поэзіи была сочинена музыка, онъ, не задумываясь, дѣлаеть многіе стихи не имѣющими начала, слабыми¹⁾ и укороченными. Ксенофанъ же, Солонъ, Теогнисъ и Фокилидъ, а также авторъ элегій Періандръ Коринѣскій и изъ прочихъ тѣ, кто не присоединяетъ къ поэмамъ мелодіи, тщательно отдѣлываютъ стихи по количеству и размѣру и наблюдаютъ, чтобы ни одинъ стихъ не былъ ни безначальнымъ, ни слабымъ, ни укороченнымъ.

Ученіе.

28. (*Псевдо-Арист.*) „*О Мелисстѣ, Ксенофанѣ и Горгіи*“ главы 3 и 4.

Гл. 3 (1) Онъ говоритъ, что, если что-нибудь существуетъ, то невозможно, чтобы оно возникло; говорятъ онъ это относительно бога. А именно, возникшее должно было возникнуть или изъ подобнаго (ему) или изъ неподобнаго. Однако, ни то ни другое невозможно. Дѣло въ томъ, что подобное точно такъ же не можетъ быть рождено подобнымъ (себѣ), какъ и родить его (ибо у совершенно подобныхъ все тождественно и взаимное отношеніе ихъ другъ къ другу одинаково). И неподобное изъ неподобнаго не можетъ возникнуть. (2) Дѣло въ томъ, что, если бы изъ болѣе слабаго возникало болѣе сильное, или изъ меньшаго большее, или изъ худшаго лучшее, или, наоборотъ, худшее изъ лучшаго, то несущее возникало бы изъ сущаго (или сущее изъ несущаго). А это невозможно. Итакъ, вслѣдствіе этого богъ вѣченъ. (3) Если богъ могущественнѣе всего, то ему подобаешь быть единственнымъ, говоритъ онъ. Ибо если бы ихъ было два или больше, то богъ не былъ бы уже сильнѣе и лучше всего. Дѣло въ томъ, что каждый изъ многихъ боговъ, поскольку онъ

¹⁾ Слабымъ (*λαγρός*) назывался стихъ, въ серединѣ котораго стоялъ краткій слогъ вмѣсто долгаго.

богъ, имѣлъ бы одинаковыя (съ другими богами) свойства. Вѣдь сущность и сила бога заключаются въ томъ, чтобы господствовать, а не находиться подъ (чьей-либо) властью, и въ томъ, чтобы быть могущественнѣе всего. Такимъ образомъ поскольку кто не сильнѣе, постольку онъ не богъ. (4) Итакъ, если бы боговъ было много и если бы они были въ однихъ отношеніяхъ сильнѣе, а въ другихъ слабѣе другъ друга, то они не были бы богами. Ибо свойство божественной природы не имѣтъ высшего надъ собой. (5) А если бы они были равны, то они не имѣли бы божественной природы, такъ какъ послѣдней подобаешь быть самой могущественной. Равное же не лучше и не хуже равнаго. Такимъ образомъ, если только существуетъ богъ и обладаетъ такими свойствами, то богъ—только одинъ. Ибо, въ противномъ случаѣ, богъ не былъ бы въ состояніи дѣлать все, что хочеть. А именно, если бы было много боговъ, (то они не могли бы сдѣлать все, что пожелаютъ). Слѣдовательно, существуетъ только одинъ богъ. (6) Будучи же единымъ, онъ повсюду однороденъ, повсюду видитъ, слышитъ и имѣеть прочія ощущенія. Ибо, въ противномъ случаѣ, части бога находились бы въ отношеніи господства и подчиненія другъ къ другу, а это невозможно. (7) Будучи же всюду однороднымъ, онъ имѣеть форму шара. Ибо онъ не иной здѣсь и иной тамъ, но всюду одинаковъ. (8) Будучи же вѣчнымъ, единымъ, (однороднымъ) и шаровиднымъ, онъ ни безпредѣленъ, ни ограниченъ. (Вѣдь) безпредѣльно несущее. Ибо послѣднее не имѣеть ни середины, ни начала, ни конца, ни какой-либо другой части, а такими чертами и характеризуется безпредѣльное. Будучи же подобнымъ небытію, онъ не былъ бы бытіемъ. Границы же полагали бы они другъ другу, если бы ихъ было много. Единое же не можетъ быть приравнено ни небытію, ни многому. Ибо то, что едино, не имѣеть ничего, съ чѣмъ бы оно могло граничить. (9) Такое именно единое, какимъ является въ его описаніи богъ, ни движется, ни неподвижно. Вѣдь неподвижно несущее. Дѣло въ томъ, что ни къ нему не можетъ прийти другое, ни оно къ другому. Двигается же то, что больше одного; ибо одна вещь должна двигаться относительно другой. Итакъ, относительно несущаго не можетъ быть никакого движенія. (10) Вѣдь несущаго нѣтъ нигдѣ, а если бы совершалось перемѣщеніе относительно другъ друга, то единое было бы больше одного. По этимъ то причинамъ могутъ двигаться двѣ вещи или (вообще вещи въ числѣ) больше одной, а ничто покоится и неподвижно. (11) Единое же ни покоится, ни движется. Вѣдь оно не равно ни небытію, ни множеству. Во всѣхъ же отношеніяхъ таковъ именно богъ, вѣчный и единый, однородный и шаровидный, ни безпредѣльный, ни ограниченный, ни покоющійся, ни движущійся.

*Гл. 4. (1) И*такъ, во-первыхъ, и онъ, подобно Мелиссу (20 А 5) принимаетъ, что возникающее возникаетъ изъ сущаго. Однако, что препятствуетъ возникающему возникать не изъ подобнаго (и не изъ неподобнаго), но изъ небытія? Далѣе, если все произошло изъ подобнаго или изъ неподобнаго, то богъ нисколько не болѣе оказывается нерожденнымъ,

чѣмъ все остальное (что невозможно). Такимъ образомъ или нѣтъ ничего, кромѣ бога, или и все прочее вѣчно. (2) Кромѣ того, онъ признаетъ бога самымъ могущественнымъ, называя его самымъ сильнымъ и самымъ лучшимъ. Съ этимъ расходится обычное мнѣніе; по послѣднему, боги во многихъ отношеніяхъ сильнѣе одинъ другого. Итакъ, не изъ (обычнаго) мнѣнія заимствовалъ онъ это положеніе относительно бога. (3) И, какъ передаютъ, положеніе, что богъ есть самое могущественное, онъ принималъ не въ томъ смыслѣ, что такова природа бога по отношенію къ чему-либо иному, но (въ томъ смыслѣ, что такова она) по своему собственному состоянію; вѣдь, конечно, что касается другого, то ничто не препятствуетъ (божеству) превосходить его не вслѣдствіе своего совершенства и силы, но по причинѣ слабости остального. Но, пожалуй, никто не пожелаетъ такимъ образомъ утверждать, что богъ является самымъ могущественнымъ, но (станутъ говорить), что онъ обладаетъ возможно наибольшимъ совершенствомъ, ни въ чемъ не нуждается и находится въ хорошемъ и прекрасномъ состояніи. Дѣло въ томъ, что, если бы онъ находился въ такомъ положеніи въ остальныхъ отношеніяхъ, то присоединилось бы и вышеупомянутое (свойство). (4) Но ничто не мѣшало бы имъ находиться въ такомъ положеніи въ томъ случаѣ, если бы ихъ было много: они всѣ находились бы въ возможно наилучшемъ состояніи и были бы сильнѣе всего остального, не будучи сильнѣе одинъ другого. (5) Но, какъ кажется, существуютъ и другія вещи. Вѣдь онъ говоритъ, что богъ сильнѣе всего, а это необходимо должно быть по сравненію съ какими-либо (другими вещами). Притомъ, существуя одинъ, богъ вовсе не могъ бы видѣть и слышать. Вѣдь если онъ не видитъ ни здѣсь, ни тамъ, то онъ вовсе не видитъ. Но, можетъ быть, ученіе о томъ, что онъ повсюду ощущаетъ, имѣетъ въ виду (сказать лишь то), что онъ былъ бы въ наилучшемъ состояніи въ томъ случаѣ, если бы былъ однороденъ повсюду. (6) Далѣе, будучи таковымъ, почему бы онъ былъ шаровиднымъ, а не имѣлъ бы скорѣе какого-либо иного вида, какъ не потому, что онъ всюду видитъ и повсюду управляетъ? Вѣдь подобнымъ же образомъ, когда мы называемъ бѣлилами то, что повсюду бѣло, то мы не обозначаемъ ничего иного кромѣ того, что во всѣхъ частяхъ его намазана бѣлая краска. Что же препятствуетъ подобнымъ же образомъ и тамъ говорить, что онъ повсюду видитъ, слышитъ и управляетъ, потому что всякая часть его, какую бы ни взять, надѣлена этимъ? Такимъ образомъ ни бѣлила, ни богъ не должны быть вслѣдствіе этого шаровидными. (7) Далѣе, какимъ образомъ онъ, будучи тѣломъ и имѣя величину, можетъ быть ни безконечнымъ, ни ограниченнымъ? Вѣдь безконечное есть какъ разъ то, что, будучи способнымъ принять границу, не имѣетъ послѣдней; граница же бываетъ въ величинѣ, въ множествѣ и во всякомъ количествѣ, такъ что если величина не имѣетъ границы, то она безконечна. (8) Притомъ же, будучи шаровиднымъ, онъ необходимо долженъ имѣть границу. Ибо онъ имѣетъ концы, если только у него есть середина, отъ которой тѣ наиболѣе от-

стоятъ. Вѣдь шаровидно то, концы чего равно отстоятъ отъ середины. (9) А для тѣла одно и то же имѣть концы или границы. * * * А именно, если несущее безпредѣльно, то почему бы и сущему также не быть безпредѣльнымъ? Ибо что препятствуетъ тому, чтобы нѣкоторые одни и тѣ же (свойства) высказывались и о сущемъ и о несущемъ? Дѣло въ томъ, что бытіе † несущаго никто теперь не ощущаетъ, а сущее, которое теперь (воспринимается), ощущаетъ всякій. Но и то и другое выразимы и понятны * * * несущее не бѣло. Итакъ, развѣ вслѣдствіе этого все сущее бѣло, чтобы мы не могли высказать ничего тождественнаго о сущемъ и несущемъ, или, какъ думается мнѣ, нѣтъ никакихъ препятствій, чтобы и изъ сущаго кое-что не было бѣлымъ. Подобнымъ же образомъ и (богу) могло бы болѣе подходить отрицательное (опредѣленіе), т. е. безпредѣльность, (особенно) если, согласно сказанному въ старину, безпредѣльное есть нѣчто (большее), чѣмъ (простое) отсутствіе границъ. Такимъ образомъ и сущее или безпредѣльно или ограничено. (10) Равнымъ образомъ нелѣпо несущему приписывать безпредѣльность. Ибо не все то, что не имѣетъ границы, мы называемъ безпредѣльнымъ, подобно тому какъ не (все) то, что не является равнымъ, мы назвали бы неравнымъ. (11) Далѣе, почему, будучи однимъ, богъ не могъ бы имѣть границы, правда, не относительно (другого) бога? А если богъ есть совершенное единство, то и частей бога должна быть только одна. (12) Еще и это (доказательство) нелѣпо, что, если многія вещи взаимно ограничены другъ другомъ, то вслѣдствіе этого единое не имѣетъ границы. А именно, много однихъ и тѣхъ же (свойствъ) присуще многому и единому, такъ какъ и бытіе является общимъ для нихъ. Итакъ, равнымъ образомъ было бы нелѣпо, если бы мы сказали, что бога нѣтъ, разъ существуютъ многія (вещи), по той причинѣ, чтобы богъ такимъ образомъ не оказался подобнымъ имъ. (13) Далѣе, что препятствуетъ богу, будучи однимъ, быть ограниченнымъ и имѣть границы? Такъ, и Парменидъ (*В 8, 43*) говоритъ, что онъ (богъ) есть единое сущее „подобное массѣ совершенно правильнаго шара, повсюду равноотстоящей отъ центра“. Дѣло въ томъ, что (хотя) необходимо существуетъ граница любой (вещи), однако (это не есть граница) относительно чего-нибудь, и нѣтъ необходимости, чтобы то, что имѣетъ границу, граничило бы съ чѣмъ-нибудь, какъ бы ограниченное относительно прилегающей (къ нему) безконечности, но быть ограниченнымъ значитъ имѣть концы, имѣющее же конецъ не обязательно имѣетъ его относительно чего-нибудь (другого). (14) Итакъ, нѣкоторымъ (вещамъ), пожалуй, слѣдуетъ быть ограниченными (и) граничить съ чѣмъ-нибудь, другимъ же, хотя и быть ограниченными, однако не ограничиваться чѣмъ-нибудь. (15) Затѣмъ относительно сопоставленія, что сущее и несущее неподвижно, (слѣдуетъ сказать, что) равно нелѣпо, согласно вышесказанному, (принимать какъ то, что небытіе неподвижно), такъ и то, что бытіе движется. И далѣе. Развѣ кто-либо можетъ принять, что не двигаться и неподвижность одно и то же, а не (признаетъ), что первое есть отрицаніе движе-

ніа, подобно тому какъ неравное ¹⁾, что было бы правильнымъ высказать и относительно несущаго, а неподвижное, подобно неравному, говорится о томъ, что уже нѣкоторымъ образомъ причастно (къ тому, что въ немъ отрицается), и (прилагается) къ тому, что противоположно движенію, (т. е.) къ пребыванію въ покоѣ, подобно тому какъ и вообще отрицанія съ альфа (privativum) высказываются о противоположностяхъ? Итакъ, правильно говорить о небытіи, что оно не движется, но пребываніе въ покоѣ не принадлежитъ небытію. Точно такъ же и выраженіе: быть неподвижнымъ не имѣетъ того же самаго значенія. Между тѣмъ онъ пользуется имъ (этимъ выраженіемъ) относительно пребыванія въ покоѣ и говоритъ, что несущее пребываетъ въ покоѣ, потому что оно не имѣетъ перемѣны. (16) Какъ мы и выше сказали, равнымъ образомъ нелѣпо это (утвержденіе), что, если мы приписываемъ что-нибудь несущему, то невѣрнымъ было бы высказать это же о сущемъ, и въ особенности если сказанное представляетъ собой отрицаніе, каковымъ являются выраженія: не двигаться и не переходить. Ибо (въ такомъ случаѣ) многого, какъ сказано было, нельзя было бы высказывать о сущемъ. Вѣдь неправильно было бы сказать, что многое есть не единое, если и несущее есть не единое. (17) Притомъ относительно нѣкоторыхъ (вещей) приходится (высказывать) противоположности † кажется, относительно тѣхъ же самыхъ отрицаній. Такъ, если что-либо есть количество или величина, то оно должно быть или равнымъ, или неравнымъ; если (что-либо) есть число, то оно (должно быть) четнымъ или нечетнымъ. Подобнымъ же образомъ также необходимо, чтобы (сущее или) покоилось или двигалось, если оно есть тѣло. (18) Далѣе, если богъ и единое не движутся вслѣдствіе того, что движеніе многихъ (вещей) совершается такимъ образомъ, что они движутся относительно другъ друга, то что же препятствуетъ богу двигаться относительно (чего-нибудь) другого? Вѣдь онъ нигдѣ не говоритъ, что существуетъ только единое, но лишь что богъ одинъ только. (19) Но если даже и такъ, то что препятствуетъ тому, чтобы части (бога) двигались относительно другъ друга и чтобы такимъ образомъ богъ вращался кругомъ? Вѣдь, конечно, такое единое онъ не назоветъ многимъ, какъ Зенонъ. Ибо онъ самъ говоритъ, что богъ есть тѣло, говоря это или о немъ цѣломъ или объ его сущности. Вѣдь, будучи безтѣлеснымъ, какимъ образомъ онъ могъ бы быть шаровиднымъ? (20) Далѣе, развѣ только не будучи нигдѣ, такимъ-то образомъ онъ ни двигался бы, ни покоился? Но такъ какъ онъ есть тѣло, то что могло бы мѣшать ему двигаться, какъ было сказано?

¹⁾ Здѣсь противопоставляются „не двигаться“ и „не равное“, съ одной стороны, „неподвижность“ и „неравное“, съ другой. Въ первомъ случаѣ отрицаніе движенія и равенства обозначаетъ все то, что не входитъ въ содержаніе этихъ понятій. „Не равное“ значитъ здѣсь „нѣчто иное, чѣмъ равное“ (напримѣръ, круглое, домъ и т. д.). Во второмъ случаѣ отрицаніе обозначаетъ противоположность и несомѣстимость. Такъ, „неравное“ значитъ: противоположное равному и несомѣстимое съ нимъ.

29. Платонъ *Sophist. p. 242 C D* (Иноземецъ изъ Элеи говоритъ) Мнѣ кажется, намъ, будто дѣтямъ, каждый рассказываетъ какую-нибудь сказку. Одинъ говорить, что (существуютъ) три сущности, что нѣкоторыя изъ нихъ какимъ-то образомъ то враждуютъ между собой, то, полюбивъ другъ друга, заключаютъ браки, рождаютъ дѣтей и вскармливаютъ (свое) потомство (*срв. 71 B 1. 4*). Другой же рассказываетъ, что (существуютъ) два (начала): влажное и сухое, или теплое и холодное, и что они соединяются для супружескаго сожителства (*срв. 47 A 4*). А идущая отъ насъ элеатская школа, начавшаяся съ Ксенофана и даже раньше (*срв. Филебъ p. 16 CD*), полагая, что такъ называемое „все“ едино, рассказываетъ такія сказки.

Филопонъ *phys. 125, 27 Vitell*. Порфирій передаетъ, что Ксенофанъ считалъ началами сухое и влажное, то-есть землю и воду, и приводитъ изреченіе его, гласящее такъ: „Земля и вода есть все, что рождается и растетъ“ (*B 29*). Повидимому, того же мнѣнія держится и Гомеръ въ слѣдующемъ изреченіи: „но вы всѣ вода и земля“ (*H 99*).

30. Аристотель *Metaph. A 5. 986 b 18*. А именно, какъ кажется, Парменидъ говорилъ объ умопостигаемомъ единомъ, а Мелиссъ о матеріальномъ единомъ. Вслѣдствіе этого первый признавалъ его конечнымъ, второй же—безпредѣльнымъ. Что же касается Ксенофана, который первый изъ нихъ призналъ единство всего (дѣло въ томъ, что Парменидъ, какъ говорятъ, былъ его ученикомъ), то онъ ни о чемъ не высказался ясно и, повидимому, не коснулся ни того ни другого изъ этихъ (пониманій) природы (единого), но направивъ свой взоръ на все небо¹⁾, онъ говорилъ, что (это) единое есть богъ (*срв. B 23*). Итакъ, какъ мы сказали, для цѣлей настоящаго изслѣдованія къ нимъ не придется обращаться, а двоихъ (изъ нихъ), Ксенофана и Мелисса, (можно) и совсѣмъ (оставить безъ вниманія), такъ какъ они немного грубы (въ своихъ разсужденіяхъ).

31. Симплицій²⁾ *Phys. 22, 22 слѣд. (1)* Итакъ, начало должно быть или единымъ или не единымъ, то-есть многимъ; и, если оно едино, то (оно должно быть) или неподвижнымъ или движущимся. И если оно неподвижно, то (оно должно быть) или безконечнымъ, какъ, кажется, училъ Мелиссъ Самосскій, или ограниченнымъ, какъ (полагалъ) элеать Парменидъ, сынъ Пирета, причемъ это они говорили не о природной стихіи, но объ истинно сущемъ. (2) Теофрастъ („Мнѣнія физиковъ“ *fr. 5 D. 480*) сообщаетъ, что Ксенофанъ Колофонскій, учитель Парменида, считалъ начало единымъ или бытіе всеединымъ (и притомъ ни ограниченнымъ, ни без-

¹⁾ „Все небо“ у Аристотеля въ смыслѣ „вся вселенная“, „цѣлое природы“.

²⁾ Симплицій соединяетъ здѣсь Теофраста съ псевдо-аристотелевскимъ сочиненіемъ: „О Мелиссѣ, Ксенофанѣ и Горгіи“.

конечнымъ, ни движущимся, ни покоющимся¹⁾). Теофрастъ признаетъ, что упоминаніе объ (этомъ) мнѣніи его относится скорѣе къ другой наукѣ, чѣмъ къ наукѣ о природѣ²⁾. (3) Дѣло въ томъ, что это всеединое Ксенофанъ называлъ богомъ, единство котораго онъ доказывалъ на томъ основаніи, что (богъ) могущественнѣе всего. А именно, онъ говоритъ, что, если бы (боговъ) было много, могущество должно бы было одинаково принадлежать имъ всѣмъ. Богъ же могущественнѣе и лучше всего. (4) А что (богъ) нерожденъ, онъ доказывалъ (это) на основаніи (положенія), что возникающее необходимо возникаетъ или изъ подобнаго или изъ неподобнаго. Но подобное, говоритъ онъ, не испытываетъ (этого) отъ подобнаго. Дѣло въ томъ, что подобное точно такъ же не можетъ рождать подобнаго, какъ и рождаться отъ него. А если бы оно возникало изъ неподобнаго, то сущее получалось бы изъ несущаго. Такъ вотъ какимъ образомъ онъ доказывалъ, что (богъ) нерожденъ и вѣченъ. (5) Далѣе, (богъ) ни безпредѣленъ, ни ограниченъ, такъ какъ безпредѣльно несущее, какъ не имѣющее ни начала, ни середины, ни конца, ограничиваются же другъ другомъ многія (вещи). (6) Подобнымъ же образомъ онъ отрицаетъ (у бога) движеніе и покой, ибо неподвижно несущее. А именно, ни къ нему (что-нибудь) другое, ни оно къ другому не можетъ притти. Съ другой стороны, движутся вещи, которыхъ больше одной. Ибо одна вещь переходитъ на мѣсто другой. (7) Такимъ образомъ и въ томъ случаѣ, когда онъ говоритъ, что (богъ) пребываетъ въ одномъ и томъ же положеніи и не движется (*цит. В 26*), онъ говоритъ о пребываніи его не какъ о покоѣ, противоположномъ движенію, но какъ о чистомъ состояніи, свободномъ отъ движенія и покоя. (8) Николай же изъ Дамаска въ сочиненіи „О богахъ“ рассказываетъ, будто онъ говорилъ, что начало безпредѣльно и неподвижно; съ другой стороны, Александръ (сообщаетъ), что (по Ксенофану, оно) ограничено и имѣетъ форму шара. (9) Однако, какъ явствуетъ изъ вышесказаннаго, онъ доказывалъ, что (начало) ни безпредѣльно, ни ограничено. Ограниченнымъ же и шаровиднымъ онъ называетъ его вслѣдствіе того, что оно со всѣхъ сторонъ подобно. И онъ говоритъ, что оно мыслить все (*цит. В 25*).

32. (*Плутархъ*) *Strom. 4 (Евсевій Р. Е. I 8, 4. D. 580)*. Ксенофанъ же Колофонскій, вступивъ на нѣкоторый новый путь, отличный отъ всѣхъ вышеупомянутыхъ (*Θалеса, Анаксимандра, Анаксимена*), не признаетъ ни возникновенія, ни уничтоженія, но говоритъ, что вселенная всегда подобна (себѣ). А именно, говоритъ онъ, если бы она возникала, то до возникновенія должно бы было ея не быть. А несущее не можетъ ни воз-

¹⁾ Нѣкоторые неправильно понимаютъ это мѣсто, полагая, будто здѣсь говорится, что Ксенофанъ не высказался ни въ томъ, ни въ другомъ смыслѣ. Между тѣмъ здѣсь говорится, что Ксенофанъ прямо отрицалъ у сущаго какъ конечность, такъ и безконечность, какъ движеніе, такъ и покой.

²⁾ Слѣдуя Аристотелю, Теофрастъ здѣсь исключаетъ Ксенофана изъ исторіи науки о природѣ, относя его къ теологіи.

никнуть, ни произвести чего-либо, и отъ несущаго ничто не можетъ родиться. Высказываетъ онъ также мнѣніе, что ощущенія ложны и вмѣстѣ съ ними вообще и самъ разумъ обманывается. Учитъ онъ также, что земля, которая непрерывно понемногу опускается, со временемъ уйдетъ въ море. Говоритъ онъ также, что солнце образуется изъ скопленія множества мелкихъ искорокъ. И о богахъ онъ говоритъ, что у нихъ нѣтъ никакого начальства. Ибо никому изъ боговъ не подобаетъ находиться въ подчиненіи. И никто изъ нихъ рѣшительно ни въ чемъ не нуждается. Слышать же они и видятъ вообще (всѣмъ своимъ существомъ), а не частью его. Высказываетъ онъ также мнѣніе, что земля безпредѣльна и не со всѣхъ сторонъ окружена воздухомъ. Возникаетъ же все изъ земли. Солнце же и звѣзды, говоритъ онъ, возникаютъ изъ облаковъ.

33. *Ипполитъ Ref. I 14 (D. 565)*. (1) Ксенофанъ же Колофонскій, сынъ Ореомена, дожилъ до (времени) Кира. Онъ первый сказалъ, что все непознаваемо, а именно онъ сказалъ слѣдующее (*цит. В 34, 3. 4.*) (2) Онъ говоритъ, что ничто ни рождается, ни уничтожается, ни движется, и что единая вселенная не подвержена перемѣнѣ. Онъ говоритъ также, что богъ вѣченъ, единъ, повсюду однороденъ, ограниченъ, имѣетъ форму шара и способность ощущать всѣми своими частями. (3) Солнце же возникаетъ ежедневно изъ скопленія мелкихъ искорокъ, а земля безпредѣльна и не окружена ни воздухомъ, ни небомъ. Есть безконечное число солнцъ и лунъ, всѣ же (вещи) состоятъ изъ земли. (4) Онъ говорилъ, что море солоно вслѣдствіе того, что въ него стекаетъ множество смѣсей. Метродоръ же (57 А 19) говорилъ, что море становится соленымъ вслѣдствіе того, что оно выщелачиваетъ землю. (5) Ксенофанъ же полагаетъ, что земля бываетъ смѣшана съ моремъ и со временемъ освобождается отъ влаги, при чемъ въ качествѣ доказательствъ онъ приводитъ слѣдующіе (факты): въ странахъ, удаленныхъ отъ моря, и на горахъ находятъ раковины¹⁾; въ Сиракузскихъ каменоломняхъ, по его словамъ, былъ найденъ отпечатокъ рыбы и тюленей²⁾; на Паросѣ же отпечатокъ анчоуса³⁾ въ углубленіи камня, а на Мелитѣ пласты вообще всякихъ (представителей) морского (животнаго и растительнаго міра). (6) Онъ говоритъ, что эти (предметы) были (тамъ) встарину, когда все было покрыто грязью, отпечатокъ же сохранился на грязи, когда она высохла. Всѣ люди гибнутъ всякій разъ, когда, погрузившись въ море, земля становится грязью, затѣмъ снова она полагаетъ начало рожденію, и такое чередованіе бываетъ во всѣхъ мірахъ. *См. В 33.*

24. *Цицеронъ Acad. II 118* Все едино и неизмѣняемо, и это есть богъ, никогда не рожденный, вѣчный, шаровидной формы. *d. n. deor. I 11, 28.* Затѣмъ Ксенофанъ, приписавъ разумъ вселенной, которую онъ,

¹⁾ Срв. Геродотъ II 12.

²⁾ Вмѣсто „тюленей“ Т. Гомперцъ читаетъ „водорослей“.

³⁾ По другому чтенію, „лавроваго дерева“.

сверхъ того, считалъ безконечной, призналъ ее богомъ. За то, что онъ приписываетъ (ей) разумъ, онъ, какъ и прочіе, заслуживаетъ порицанія; но особенно (заслуживаетъ онъ порицанія) за (допущеніе) безконечности, такъ какъ въ послѣдней не можетъ быть никакого ощущенія и связи. Срв. *Аристотель poet. 25. 1460 b 35.*

35. (*Галенъ*) *hist. phil. 7. (Dox. 604, 17)*... Ксенофанъ сомнѣвался относительно всего и принималъ только одно положеніе, что все едино, и это (все) есть богъ конечный, разумный, неизмѣняемый.

Тимонъ ¹⁾ *fr. 59 (Секстъ Р. Н. I 223)*. А именно, похваливъ (Ксенофана) во многихъ (отношеніяхъ) и даже посвятивъ ему Силлы, онъ (*Тимонъ*) представилъ Ксенофана плачущимъ и говорящимъ:

„О если бы также и я достигъ разумнаго образа мыслей и глядѣлъ бы на обѣ стороны ²⁾. Но коварно дорога обманула уже на закатѣ жизни меня, не позаботившагося принять всяческія мѣры предосторожности. Ибо куда я ни направлялъ свой умъ, все сливалось въ единство и разрѣшалось въ одно и то же. Все сущее, какъ я его ни взвѣшивалъ, всегда превращалось въ единую однородную природу“.

Тимонъ fr. 60 (Секстъ Р. Н. I 224. Диогенъ IX 18, см. выше):

Чуждъ спеси былъ Ксенофанъ ³⁾ порицавшій обманщика Гомера; онъ выдумалъ, что богъ непохожъ на людей, повсюду одинаковъ ⁴⁾, (неподвиженъ) ⁵⁾, неизмѣняемъ ⁶⁾, разумнѣе (другихъ) или (есть самъ) разумъ.

Къ этому Секстъ даетъ слѣдующее объясненіе: Поэтому-то онъ и называетъ его „чуждымъ спеси“, а не совершенно скромнымъ въ слѣдующихъ стихахъ (*цит. предшествующая тирада*). А именно, онъ называлъ (его) „чуждымъ спеси“, (какъ человѣка), скромнаго въ нѣкоторомъ отношеніи; насмѣшникомъ же надъ „обманщикомъ Гомеромъ“ (называлъ онъ Ксенофана), такъ какъ онъ поносилъ Гомера за его обманы. Вопреки же мнѣніямъ другихъ людей Ксенофанъ училъ, что все едино и что богъ тѣсно связанъ со всѣми (вещами), что онъ шаровиденъ, не подверженъ (ничьему) воздѣйствію, неизмѣняемъ и разуменъ.

То же въ переводѣ Брюлловой-Шаскольской. Похваливъ этого Ксенофана во многихъ отношеніяхъ, такъ что онъ посвятилъ ему даже

¹⁾ Тимонъ въ трехъ книгахъ „Силлы“ осмѣивалъ философовъ догматиковъ. Вторая и третья книга имѣютъ форму бесѣды самого Тимона съ Ксенофаномъ. Послѣдній представленъ скептикомъ во всемъ, за исключеніемъ одного ученія о всеединствѣ.

²⁾ Скептикъ „смотреть на обѣ стороны“. Ксенофанъ же всюду усматривалъ единство. Иначе понимаетъ это мѣсто Фрейденталь: Ксенофанъ и въ старости еще человѣкъ колеблющійся, не занимающій прочной позиціи, „у котораго видны двѣ стороны“, и онъ высказываетъ желаніе достигнуть, наконецъ, прочной скептической позиціи.

³⁾ Секстъ Эмпирикъ собственно вмѣсто „Ксенофанъ“ говоритъ „Ксейнофанъ“.

⁴⁾ Срв. 18 В 8, 44; 21 В 28.

⁵⁾ Срв. 18 В 1, 29, 8, 4.

⁶⁾ Срв. 18 В 8, 4.

силлы, онъ изобразилъ его жалующимся и говорящимъ: „О если бы и мнѣ удалось приобщиться твердому уму, взирая на обѣ стороны. Но я былъ обманутъ лживой дорогой, когда былъ уже старикомъ и неопытенъ въ скептическомъ сомнѣніи. Куда бы я ни обращалъ свой умственный взоръ, все сливалось въ одно и то же; все сущее влеклось отовсюду и дѣлалось единой равной природой“. Вслѣдствіе этого Тимонъ и называетъ его „полузатѣмненнымъ“ и не вполне „свободнымъ отъ тьмы“, говоря: „Ксенофанъ, полузатѣмненный, насмѣшникъ надъ обманомъ Гомера, если онъ сотворилъ себѣ бога, далекаго отъ людей, повсюду равнаго, безбоязненнаго, недосягаемаго или мыслимую мысль“. Полузатемненнымъ называлъ онъ его, какъ до извѣстной степени свободнаго отъ тьмы, а насмѣшникомъ надъ обманомъ Гомера потому, что онъ издѣвался надъ обманомъ Гомера. Догматически же утверждалъ Ксенофанъ, споря противъ предположеній другихъ людей, что все—едино, и что богъ сросся со всѣмъ, и что онъ шарообразенъ, безстрашенъ, неизмѣненъ и разуменъ.

36. *Θεοδορίτῃ IV 5 изъ Аэція (D. 284 not.)*. Итакъ, Ксенофанъ, сынъ Ореомена, изъ Колофона, положившій начало элеатской школѣ, сказалъ, что вселенная едина, шарообразна, ограничена, безначальна во времени, вѣчна и совершенно неподвижна. Но съ другой стороны, забывъ объ этихъ словахъ, онъ сказалъ, что все произошло изъ земли. А именно, ему принадлежитъ слѣдующее изреченіе (*цит. В 27*).

Изъ гомеровскихъ аллегорій Стобей есл. I 10, 12. По Ксенофану, начало всего сущаго есть земля. А именно, онъ пишетъ въ сочиненіи „О природѣ“ (*слѣдуетъ та же цитата*).

Олимпиодоръ de arte sacr. 24 p. 82, 21. Вѣдь землю никто не считалъ началомъ, за исключеніемъ Ксенофана Колофонскаго.

Галенъ in Hippocr. d. nat. hom. XV 25 K. И нѣкоторые изъ толкователей выдумали злую ложь на Ксенофана. Такъ, напримѣръ, Сабинъ, написавшій примѣрно такъ—приводимъ его собственныя выраженія: „Вѣдь я отнюдь не называю человѣка воздухомъ, какъ Анаксименъ, ни водою, какъ Фалесъ, ни землею, какъ въ какомъ-то мѣстѣ (*В 33?*) Ксенофанъ“. Ибо нигдѣ не оказывается, чтобы Ксенофанъ высказался такимъ образомъ... Да и Теофрастъ въ „Сокращеніи мнѣній о природѣ“ привелъ бы мнѣніе Ксенофана, если бы оно было такимъ. *Срв. Аристотель Metaph. A 8. 989 a 5*.

37. *Аэцій II 4, 11 (D. 332)*. По Ксенофану, міръ нерожденъ, вѣченъ и неуничтожимъ. *Срв. II 1, 3*.

38. ————— *II 13, 14 (D. 343)*. По мнѣнію Ксенофана, (свѣтила возникаютъ) изъ воспламенившихся облаковъ. Потухая каждый день, они ночью снова разгораются, подобно углямъ. Дѣло въ томъ, что восходъ и закатъ (свѣтилъ) есть зажженіе и потуханіе (ихъ).

39. ————— *II 18, 1 (D. 347)*. По Ксенофану, (огоньки), которые въ видѣ звѣздъ, появляются надъ кораблями и нѣкоторыми называются

Диоскурами¹⁾, суть маленькія облака, свѣтящіяся вслѣдствіе нѣкотораго движенія.

40. ————— 20, 3 (D. 348). По Ксенофану, солнце состоитъ изъ воспламенившихся облаковъ. Теофрастъ²⁾ въ „Физикахъ“ (fr. 16. D. 492) пишетъ, что (по Ксенофану) солнце образуется отъ скопленія искорокъ, собирающихся изъ влажнаго испаренія.

41. ————— II 24, 4 (D. 354). По Ксенофану, (солнечное затменіе, *правильнѣе*: закатъ солнца) происходитъ вслѣдствіе потуханія (солнца), при восходѣ же возникаетъ опять новое (солнце). Также рассказываетъ онъ о солнечномъ затменіи, длившемся цѣлый мѣсяць, и, съ другой стороны, о затменіи полномъ, такъ что день показался ночью.

41 а. ————— II 24, 9 (D. 355). Ксенофанъ (говорилъ), что есть много солнць и лунъ соотвѣтственно климатамъ, горизонтамъ и поясамъ земли; въ надлежащее же время дискъ (солнца) попадаетъ въ нѣкоторую страну земли, не населенную людьми, и такимъ образомъ, какъ бы вступающая въ пустое пространство, онъ производитъ явленіе затменія. Онъ же (говоритъ), что солнце уходитъ впередъ въ безконечность, вслѣдствіе же (большого) разстоянія кажется, будто оно вращается.

42. ————— II 30, 8 (D. 362). Ксенофанъ (говоритъ), что солнце полезно для возникновенія и устройства міра съ населяющими его живыми существами, луна же является лишней.

43. ————— II 25, 4 (D. 356). По Ксенофану, (луна) есть свалывшееся облако. II 28, 1 (D. 358). Анаксимандръ, Ксенофанъ и Берозъ (полагаютъ), что она (луна) имѣетъ свой собственный свѣтъ. II 29, 5 (D. 360) Ксенофанъ (говоритъ), что и ежемѣсячное исчезновеніе³⁾ (луны бываетъ) вслѣдствіе погашенія (ея).

44. ————— III 2, 11 (D. 367). По мнѣнію Ксенофана, все это (*т. е.* кометы, падающія звѣзды, огненные метеоры) суть соединенія или движенія воспламенившихся облаковъ.

45. ————— III 3, 6 (D. 368). По Ксенофану, молніи возникаютъ, когда облака вслѣдствіе движенія начинаютъ блестѣть.

46. ————— III 4, 4 (D. 371). По Ксенофану, метеорологическія явленія (происходятъ) отъ солнечной теплоты, которая (является) первоначальной причиною (ихъ). А именно, когда (подъ дѣйствіемъ послѣдней) изъ моря вытягивается влага, то прѣсная вода, выдѣляясь вслѣдствіе своей легкости и становясь туманомъ, образуетъ тучи, сгущаясь, проливается въ видѣ дождей и разрѣжается въ вѣтры. И дѣйствительно, онъ вполне опредѣленно пишетъ (*цит. В 30, 1*).

¹⁾ Явленіе, называвшееся въ древности Диоскурами, теперь носятъ названіе огней святого Эльмса.

²⁾ Азцій, дававшій вначалѣ эксцерптъ изъ Песидонія, использовавшаго Теофраста, теперь обращается къ самому Теофрасту.

³⁾ Т. е. новолуніе.

47. *Аристотель de caelo B 13. 294 a 21.* А именно, они утверждают, что земля внизу безконечна, говоря, подобно Ксенофану Колофонскому (*B 28*), что корни ея простираются въ безконечность; (они говорятъ такъ) для того, чтобы не имѣть хлопотъ съ отыскиваніемъ причины. Поэтому-то и Эмпедоклъ сдѣлалъ имъ упрекъ, сказавъ такъ (*цит. 21 B 39*); *срв. Симплицій ad Ar. l. c. p. 522, 7 Heib.* Не имѣвъ въ рукахъ относящихся къ этому (вопросу) сочиненій Ксенофана, я не знаю, потому ли онъ считаетъ землю покоющейся, что нижняя часть земли, по его мнѣнію, безконечна, или потому что безконечны мѣсто подъ землею и эфиръ, и вслѣдствіе этого земля, уносимая внизъ въ непредѣльность, кажется покоющейся. Ибо ни Аристотель не разъяснилъ этого, ни стихи Эмпедокла не говорятъ объ этомъ ясно. Вѣдь „бездной земли“ онъ могъ бы назвать также то, во что земля опускается.

Аэцій III 9, 4 (D. 376). По мнѣнію Ксенофана, внизу (земля) простирается своими корнями въ безконечность, а со стороны, прилегающей къ воздуху и огню, она сгустилась. *II 11, 1. 2 (D. 377).* Послѣдователи Фалеса (говорятъ), что земля занимаетъ центральное положеніе, Ксенофанъ же (приписываетъ ей) первое мѣсто. Ибо онъ говоритъ, что она простерлась своими корнями въ безконечность (*срв. B 28*).

Цицеронъ Acad. pr. II 39, 122. Но въ состояніи ли мы тѣмъ же самымъ способомъ изслѣдовать, открывать, раздѣлять природу вещей, чтобы видѣть, глубоко ли утверждена земля и является ли она какъ бы державшейся на своихъ корняхъ (*имѣется въ виду мнѣніе Ксенофана*) или она виситъ въ центрѣ? *123* Ксенофанъ (*скорѣе Анаксагоръ*) утверждаетъ, что на лунѣ живутъ и что она представляетъ собою землю со многими городами и горами. *Срв. Ипполитъ I 14, 3 (см. выше).* Изъ *Аристотеля псевдо-арист. de MXG 2, 21 p. 976 a 32 (20 A 5).*

48. (*Аристотель*) *Mirab. 38. 833 a 15 (можетъ быть, изъ Тимея).* Ксенофанъ говоритъ, что (огонь) на (островѣ) Липарѣ исчезъ нѣкогда на 16 лѣтъ, на семнадцатомъ же году вновь появился.

49. *Аристотель „О философіи“ 8 (Евсевій XIV 17, 1).* А именно, они полагаютъ, что слѣдуетъ отвергнуть ощущенія и представленія, довѣрять же только самому логосу (разуму). И дѣйствительно, нѣчто въ этомъ родѣ говорили сперва Ксенофанъ, Парменидъ, Зенонъ и Мелиссъ, а позже ученики Стиппона и мегариковъ. Поэтому-то они полагали, что бытіе едино, что иного не существуетъ, и что ничто ни рождается, ни уничтожается, ни движется вообще. *Аэцій IV 9, 1 (D. 369).* Пивагоръ, Эмпедоклъ, Ксенофанъ... ощущенія ложны. *Срв. B 34.*

50. *Макробій S. Scip. I 14, 19.* Ксенофанъ: (душа состоитъ) изъ земли и воды.

51. *Тертуллианъ de anima c. 43 (о снѣ)* Анаксагоръ съ Ксенофаномъ: утомленіе (*gr.* истощеніе тѣлесной энергіи).

52. *Цицеронъ de divin. I 3, 5* Философовъ же прекрасныя доказательства, отчего бываетъ истинный даръ прорицанія, собраны ¹⁾. Изъ нихъ, чтобы мнѣ сказать о самыхъ древнихъ, одинъ (только) Ксенофанъ Колофонскій, вѣря въ существованіе боговъ, (въ то же время) совершенно отрицалъ даръ прорицанія. Всѣ же остальные, за исключеніемъ Эпикура, лепечущаго неясно о природѣ боговъ, признавали даръ прорицанія.

Аэцій V 1, 1 (D. 415). Ксенофанъ и Эпикуръ отрицаютъ мантику ²⁾.

В. Фрагменты.

Элегія Ксенофана.

1. (*21 Karsten, 1 Crusius. Аменей XI 462 С. 3*).

Вотъ уже чистъ полъ, чисты у всѣхъ руки и бокалы. Одинъ (*слуга*) ⁴⁾ возлагаетъ намъ на головы витые вѣнки, другой подаетъ (намъ) въ чашѣ благовонное масло. Полный веселія стоитъ кратеръ, (5) приготовлено и другое вино въ глиняныхъ сосудахъ, сладкое, съ запахомъ цвѣтовъ, въ такомъ изобиліи, что обѣщаетъ никогда не истощиться. Посрединѣ ладанъ испускаетъ свой священный запахъ, а тутъ холодная вода, сладкая, чистая. Передъ нами лежатъ золотистые хлѣбы, и роскошно убранный столъ гнется (10) подъ тяжестью сыра и густого меда. И цвѣтами разукрашенъ со всѣхъ сторонъ алтарь посреди (залы). Пѣніе съ пляской и веселый пиръ оглашаютъ весь домъ.

Но прежде всего благочестивымъ мужамъ подобаетъ прославить бога священными пѣснями и чистыми словами. (15) Совершивъ же возліяніе и помолившись о дарованіи силы къ соблюденію справедливости (ибо это лучше всего), не грѣхъ пить столько, чтобы быть въ состояніи безъ слуги дойти до дому, если кто не очень старъ. А изъ мужей слѣдуетъ превозносить того, кто, напившись, благородно обнаруживаетъ, какъ процвѣтаютъ у него память и постоянство относительно добродѣтели. Не должно воспѣвать сраженій титановъ, гигантовъ и кентавровъ—вымыслы прежнихъ временъ—ни неистовыхъ междоусобицъ, въ которыхъ нѣтъ ничего хорошаго. Но хорошо во всякое время почитать боговъ ⁵⁾.

¹⁾ Именно Посидоніемъ.

²⁾ См. у Г. Церетели свидѣтельства о Ксенофанѣ Эпифанія и Галена.

³⁾ ¹⁾ Въ этомъ фрагментѣ дается высоко художественное описаніе богатаго пира. Повидимому, подъ влияніемъ этой элегіи Ксенофана создалъ Платонъ свой „Пиръ“.

⁴⁾ Здѣсь мѣняется подлежащее, но въ текстѣ оно не названо: разумѣется „слуга“.

⁵⁾ Въ этой элегіи Ксенофанъ говоритъ о томъ, каково должно быть содержаніе бесѣды во время пира: слава тому, кто и въ состояніи опьянѣнія ведетъ разумныя, благородныя рѣчи!

Вольное подражаніе (начало фрагмента) А. С. Пушкина („Изъ Ксенофана Колофонскаго“ Б. д. Чт. 1834, т. V).

Чистый лоснится полъ; стеклянныя чаши блистаютъ;
 Всѣ ужъ увѣнчаны гости; иной обоняетъ, зажмурясь,
 Ладона сладостный дымъ; другой открываетъ амфору,
 Запахъ веселый вина разливая далече; сосуды
 Свѣтлой, студеной воды, золотистые хлѣбы, янтарный
 Медъ и сыръ молодой,—все готово; весь убранный цвѣтами
 Жертвенникъ. Хоры поютъ. Но въ началѣ трапезы, о други,
 Должно творить возліанья, вѣщать благовѣщія рѣчи,
 Должно безсмертныхъ молить, да сподобятъ насъ чистой
 душою
 Правду блюсти; вѣдь оно жъ и легче. Теперь мы приступимъ:
 Каждый въ мѣру свою напивайся. Бѣда не велика
 Въ ночь, возвращаясь домой, на раба опираться, но слава
 Гостю, который за чашей бесѣдуетъ мудро и тихо.

2. (19 К., 2 Сr.) *Атены X 413 F послѣ 11 С 2.* Это Эврипидъ заимствовалъ изъ элегій Ксенофана Колофонскаго, который говоритъ такъ:

Если кто-нибудь у источника Пизы въ Олимпіи, тамъ, гдѣ священный участокъ Зевса, одержитъ побѣду быстротою своихъ ногъ или окажется побѣдителемъ въ пентаоэлѣ¹⁾, или въ борьбѣ, или въ мучительномъ кулачномъ бою, (5) или въ томъ ужасномъ состязаніи, которое называютъ панкратіемъ²⁾, то онъ сталъ бы пользоваться среди согражданъ большей славой, получилъ бы на играхъ видное почетное мѣсто, имѣлъ бы отъ государства пропитаніе на общественный счетъ и въ качествѣ подарка цѣнную вещь; (10) также если бы кто одержалъ побѣду въ состязаніи на коняхъ, то и онъ получилъ бы всѣ перечисленныя (почести). Однако, онъ не столь заслуживаетъ (ихъ), какъ я. Ибо наша мудрость гораздо лучше силы людей и лошадей. Но это совершенно безсмысленный и несправедливый обычай—отдавать предпочтеніе тѣлесной силѣ передъ полезной мудростью. (15) Вѣдь, если бы среди народа оказался хорошій кулачный боецъ или мужъ, искусный въ пентаоэлѣ или въ борьбѣ, или человекъ, выдающійся быстротою своихъ ногъ,—послѣднее даже пользуется на играхъ наибольшимъ предпочтеніемъ изъ всѣхъ обнаруженій силы,—то это нисколько не улучшило бы благосостоянія города. Только небольшое удовольствіе получилъ бы городъ, если бы кто-нибудь (изъ гражданъ его) одержалъ побѣду въ борьбѣ на берегахъ Пизы. Вѣдь это не наполняетъ казны города.

¹⁾ „Пентаоэлъ“ значитъ: пять родовъ борьбы; сюда входили бѣгъ, прыганіе, борьба, бросаніе диска и метаніе копья (или кулачный бой).

²⁾ „Панкратій“ собственно значитъ „всесостязаніе“; въ этомъ состязаніи были соединены борьба и кулачный бой.

3. (20 К., 3 Cr.) *Атений XII 526 А.* Какъ сообщаетъ Филархъ, колофоняне, которые вначалѣ вели суровый образъ жизни, послѣ того какъ заключили дружескій союзъ съ лидянами, впали въ роскошь, и съ того времени выходили, убравъ свои волосы золотыми украшеніями. Такъ и Ксенофанъ говоритъ ¹⁾:

Когда еще не знали ненавистой тиранніи, они, научившись у лидянъ вредной роскоши, выходили на площадь въ пурпурныхъ плащахъ. Всѣхъ ихъ было не менѣе тысячи. (5) Надменные, они гордились своими красивыми длинными волосами и были натерты искусно сдѣланною душистою мазью.

4. *Поллукъ IX 83.* Или аргивянинъ Федонъ первый сталъ чеканить монету, или Демодика изъ Кумы, жена фригійца Мидаса (послѣдній былъ сыномъ Агамемнона, царя кумеянъ), или у аеинянъ Эрихтоній и Ликъ, или лидяне, какъ говоритъ Ксенофанъ. *Срв. Геродотъ I 94.* Дѣло въ томъ, что изъ извѣстныхъ намъ народовъ лидяне первыми стали чеканить и употреблять золотую и серебряную монету.

5. (23 К., 4 Cr.) *Атений XI 18. 782 А.* Дѣлая смѣсь въ бокалѣ, не начинай съ вина, но наливай сначала воду и затѣмъ вино ²⁾.

6. (22 К., 5 Cr.) *Атений IX 368 Е.* Ксенофанъ же Колофонскій говоритъ въ элегіяхъ:

Вѣдь ты прислалъ бедренную кость козленка и получилъ за это жирную ногу откормленнаго быка, почетный даръ для мужа, слава котораго пройдетъ по всей Элладѣ и не исчезнетъ, пока будетъ существовать племя эллинскихъ пѣвцовъ.

7. (18 К., 6 Cr.) *Диогенъ VIII 36.* Что (*Пивагоръ*) былъ въ одно время однимъ человѣкомъ, а въ другое другимъ, объ этомъ свидѣтельствуесть Ксенофанъ въ элегіи, которая начинается такъ (*цит. первый слѣд. стихъ*). О немъ же (*Пивагоръ*) онъ говоритъ слѣдующее (*цит. четыре остальныхъ стиха, переводъ кот. приводимъ здѣсь ниже*). *Срв. А 1.*

Теперь опять я обращаюсь къ новой рѣчи и укажу (новый) путь.

* * *

Разсказываютъ, однажды, когда били собаку, онъ проходилъ мимо. Ему стало жаль ея и онъ сказалъ слѣдующее: „Перестань! не бей ея! вѣдь на самомъ дѣлѣ (въ ней) душа (моего) друга, которую я узналъ по голосу“.

¹⁾ Въ приводимыхъ ниже словахъ Ксенофанъ нападаетъ на составлявшую высшій классъ въ его родинѣ „тысячу“, перенявшую у лидянъ роскошный образъ жизни.

²⁾ Въ болѣе древнее время у грековъ вино смѣшивали такимъ образомъ, что сначала наливалась вода, а затѣмъ вино (цѣлью этого обычая была умеренность въ наслажденіи). Позже дѣлали наоборотъ. Вѣроятно, Ксенофанъ здѣсь нападаетъ на пренебреженіе древнимъ обычаемъ.

8. (24 К., 7 Ср.) *Диогенъ IX 18. 19.* (Ксенофанъ) жилъ очень долго, какъ онъ и самъ свидѣтельствуеть въ одномъ мѣстѣ:

Вотъ уже шестьдесятъ семь лѣтъ, какъ я съ моими думами ношусь по эллинской землѣ. А тогда мнѣ было отъ роду съ чѣмъ-то двадцать пять лѣтъ, если только я не ошибаюсь въ этомъ.

(Г. Дильсъ, относя начало странствованій Ксенофана къ покоренію Іоніи Гарпагомъ въ 540 году, на основаніи этихъ словъ Ксенофана вычисляетъ годъ рожденія его=565 г. и время сочиненія элегии=473 г.).

9. (26 К., 8 Ср.) *Etym. gen. s. v. старость:*

Много слабѣе старика.

Силы (не меньше пяти книгъ).

10. (18 Ср., 4 Wachsm. Sillogr.) *Геродіанъ п. диѳр. р. 396, 6.*

Такъ какъ сначала всѣ учились по Гомеру¹⁾...

11. (7 К., 16 Ср., 2 W.) *Секстъ adv. math. IX 193.*

Все, что есть у людей безчестнаго и позорнаго, приписали богамъ Гомеръ и Гезіодъ: воровство, прелюбодѣяніе и взаимный обманъ.

12. (7 К., 16 Ср., 2 W.). *Секстъ adv. math. I 289.* Гомеръ же и Гезіодъ, по словамъ Ксенофана Колофонскаго

весьма много беззаконныхъ дѣлъ рассказали о богахъ: воровство, прелюбодѣяніе и взаимный обманъ.

А именно, Кроносъ, при которомъ, какъ они говорятъ, была счастливая жизнь, оскотилъ своего отца и проглотилъ своихъ дѣтей, и сынъ его Зевсъ, отнявъ у отца власть, „низвергъ его въ подземное царство“ (Э 204) и т. д.

13. (31 К., 5 W.) *Геллій N. A. III 11.* По свидѣтельству однихъ писателей, въ числѣ которыхъ находятся Филохоръ и Ксенофанъ, Гомеръ по лѣтамъ старше Гезіода, по свидѣтельству другихъ, моложе.

14. (5 К., 30 Ср.) *Климентъ Str. V 109 послѣ В 23.*

Но смертные думаютъ, будто боги рождаются, имѣютъ одежду, голосъ и тѣлесный образъ, какъ и они²⁾.

15. (6 К., 17 Ср.) *Климентъ Str. V 110 послѣ В 14.*

Но если бы быки, лошади и львы имѣли руки и могли бы ими рисовать и создавать произведенія (искусства), подобно людямъ, то лошади изображали бы боговъ похожими на лошадей, быки же похожими на быковъ, и придавали бы (имъ) тѣла такого рода, каковъ тѣлесный образъ у нихъ самихъ (каждые по своему).

¹⁾ А именно тому, что боги отличаются весьма низкой нравственностью.

²⁾ Логическое удареніе лежитъ на сравненіи: „какъ и они“. Люди воображаютъ, будто зачатіе и рожденіе боговъ происходитъ такъ же, какъ у людей; они думаютъ, что боги имѣютъ человѣческое тѣло съ его функциями, говорятъ между собой на языкѣ людей и носятъ такія же одежды, какъ и люди.

16. (O) *Климентъ Str. VII 22*. Эѳіопы говорятъ, что ихъ боги курносы и черны; еракіяне же (представляютъ своихъ боговъ) голубоглазыми и рыжеватыми ¹⁾.

17. (27 K., 10 Cr., 1 W.) *Schol. Arist. Equ. 408*. Вакхами (называются)... вѣтки, которыя носятъ посвященные въ таинства. Упоминаетъ (ихъ) Ксенофанъ въ „Силлахъ“:

Вокругъ прочнаго дома стоятъ сосновыя вѣтки.

18. (16 K., 28 Cr.) *Стобей Ecl. I 8, 2. Flor. 29, 41*.

Не отъ начала все открыли боги смертнымъ, но постепенно, ища, (люди) находятъ лучшее.

19 *Диогенъ I 23 (см. 1 A 1; 11 A 1)*. Нѣкоторые же полагаютъ, что онъ (Θалесъ) первый наблюдалъ за движеніемъ звѣздъ и предсказалъ солнечныя затменія и солнцестоянія. Такъ говоритъ Эвдемъ въ исторіи науки о звѣздахъ (*срв. 1 A 5*). Вслѣдствіе этого ему удивляются Ксенофанъ и Геродотъ.

20. (32 K.) ————— *I 111*. Какъ говоритъ Ксенофанъ Колофонскій, онъ слышалъ, что (Эпименидъ жилъ) 154 года.

21. (28 K.) *Schol. Aristoph. Pac. 697*. Симонидъ былъ оклеветанъ въ сребролюбіи... весьма остроумно онъ насмѣхался въ томъ же самомъ сочиненіи (во второй книгѣ автора ямбовъ) и упоминаетъ, что онъ былъ мелочнымъ ²⁾. Отсюда Ксенофанъ называетъ его скрягой. *Срв. 11 A 22*.

21a. *Schol. Hom. Odyrh. 1087, 40*. Эрикъ ³⁾ (упоминается) у Ксенофана въ пятой изъ его „Силлъ“.

Пародіи (=Силлы? *срв. 11 A 9*).

22. (17 K., 9 Cr., 3 W.) *Атенея Epit. II p. 54 E*. Ксенофанъ Колофонскій (говоритъ) въ „Пародіяхъ“ ⁴⁾;

Лежа въ зимнюю пору на мягкомъ ложѣ у огня, распивая сладкое вино и грызя горохъ ⁵⁾ слѣдующую бесѣду долженъ вести сытый человѣкъ: „Кто ты и откуда? Сколько лѣтъ тебѣ, добрѣйшій? (5) Въ какомъ ты былъ возрастѣ, когда пришелъ мидянинецъ? ⁶⁾“.

¹⁾ Въ этомъ отрывкѣ, указывая на то, что эѳіопскіе боги имѣютъ вздернутый носъ и черную кожу, еракійскіе же голубоглазы и рыжеволосы, Ксенофанъ выступаетъ противъ націонализма боговъ.

²⁾ Т. е. говоритъ мелочи. Здѣсь непередаваемая игра словъ. Одно и то же греческое слово значить и „говорить мелочи“ и „скряжничать“.

³⁾ Или Эриксъ, городъ и гора въ Сициліи.

⁴⁾ Изъ словъ Атенея не видно, были ли „Пародіи“ отдѣльнымъ отъ „Силлъ“ сочиненіемъ или это лишь другое названіе для послѣднихъ. Въ пользу перваго рѣшенія говоритъ то, что здѣсь замѣтно подражаніе Гомеру, чего нельзя сказать о „Силлахъ“.

⁵⁾ Г. Церетели переводитъ: „при щелканьи орѣшковъ“.

⁶⁾ Т. е. Гарпагъ, срв. В 8.

О природѣ.

23. (1 К., 12 Cr.) *Климентъ Strom. V 109.* Ксенофанъ Колофонскій, выступая съ ученіемъ, что богъ единъ и безтѣлесенъ, нападаетъ (на противоположный взглядъ):

Единый богъ, величайшій между богами и людьми, не подобный смертнымъ ни внѣшнимъ видомъ, ни мыслью.

24. (2 К., 13 Cr.) *Секстъ adv. math. IX 144 (11 A 1).*

Всѣмъ своимъ существомъ онъ видитъ, мыслить и слышитъ.

То же въ др. перев.:

Весь онъ видитъ, весь мыслить, весь слышитъ.

Весь онъ есть око, весь мышление, весь ухо.

25. (3 К., 14 Cr.) *Симплицій phys. 23, 19 (A 31, 9).*

Но безъ усилія силой ума онъ все потрясаетъ¹⁾.

26. (4 К., 15 Cr.) *Симплицій phys. 22, 9 (A 31, 7).*

Всегда онъ пребываетъ на одномъ и томъ же мѣстѣ, никуда не двигаясь; переходить съ мѣста на мѣсто ему не подобаетъ.

27. (8 К., 11 Cr.) *Азцій (Теодоритъ) IV 5 (срв. A 36).*

Ибо изъ земли все (возникло) и въ землю все обратится въ концѣ концовъ.

28. (12 К., 22 Cr.) *Ахиллъ Isag. 4 p. 11 Maass (срв. A 33, 3).*

Этотъ верхній конецъ земли, соприкасающійся съ воздухомъ, мы видимъ (у себя) подъ ногами, нижняя же часть (земли) простирается въ безконечность. (H. Berger²⁾ переводитъ: „простирается въ невѣдомое“).

29. (10 К., 20 Cr.) *Симплицій phys. 188, 32 (срв. A 29).*

Земля и вода есть все, что рождается и растеть.

30. (11 К., 11 а, 23 Cr.) *Азцій III 4, 4 (=11 A 46) Schol. Genav. ad Ф (изъ Кратеса Малосскаго).* Ксенофанъ въ сочиненіи „О природѣ“ (говорить):

Море есть источникъ воды³⁾, источникъ вѣтра. Ибо, если бы не было великаго моря, то не возникало бы въ облакахъ дуновеній вѣтра, дующаго изъ нихъ, ни потоковъ рѣкъ, ни дождевой воды ээира; (5) но великое море есть отецъ облаковъ, вѣтровъ и рѣкъ.

31. (O) *Гераклитъ Alleg. Not. с. 44 (Этимологія слова ὑπερίων).*

Солнце, носящееся надъ землею и нагрѣвающее ее.

¹⁾ Если вмѣсто *κραδαίνει* читать *κρατύνει*, то значеніе будетъ „всѣмъ править“.

²⁾ *Untersuch. üb. d. kosmische System des X.*, Ber. d. G. d. W. 1894, стр. 58.

³⁾ По Ксенофану, вся вода земли—изъ моря. Это положеніе Ксенофана (какъ и нѣкоторые другіе его взгляды) находятъ себѣ параллель въ Библии (Эккл. I, 7). См. K. Prächter. *Zu Xenophanes* (Philologus. V. LXIV, Heft 2, 1905).

32. (13 К., 24 Cr.) *Schol. BLT Eust. ad. Hom. A 27.*

И то¹⁾, что называютъ Иридой (радугой), есть облако, на видъ пурпурное, красное и зеленое.

33. (9 К., 21 Cr.) *Секстъ adv. math. X 314.*

Ибо мы всё родились изъ земли и воды.

34. (14 К., 19 Cr.) *Секстъ. adv. math. VII 49. 110 Plut. aud. poet. 2 p. 17 B.*

Итакъ, что касается истины, то не было и не будетъ ни одного челоуѣка, который зналъ бы ее относительно боговъ и относительно всего того, о чемъ я говорю. Ибо если бы даже случайно кто-нибудь и высказалъ подлинную истину, то онъ и самъ, однако, не зналъ бы (объ этомъ). Ибо только мнѣніе—удѣлъ всѣхъ.

Въ русскомъ переводѣ соч. Т. Гомперца этотъ фрагментъ переданъ такъ:

Достоуѣрнаго знанія о богахъ, о томъ, что я называю цѣлымъ природы, никто никогда не имѣлъ и не будетъ имѣть, — и если бы даже кому-нибудь и случилось высказать истинное, онъ самъ бы того не зналъ; ибо надъ всѣмъ царить мнѣніе.

35. (15 К., 26 Cr.) *Плутархъ Sympos. IX 7 p. 746 B.*

Пусть это считается правдоподобнымъ!²⁾

36. (27 Cr.) *Геродіанъ π διχο 296, 9.*

Все, что только открывалось смертному взору...

J. Burnet, полагая вмѣстѣ съ Г. Дильсомъ, что этотъ фрагментъ говоритъ о звѣздахъ, переводитъ:

Всѣ тѣ изъ нихъ, которыя видимы взору смертныхъ...

37. (29 Cr.) *Геродіанъ π. μον. λξξ. 30, 30.*

И въ нѣкоторыхъ пещерахъ капаетъ вода³⁾.

38. (25 Cr.) *Геродіанъ π. μον λξξ. p. 41, 5.*

Если бы богъ не создалъ желтаго меду, то смоквы считались бы слаще (всего остального).

39. (20 К.) *Поллуксъ VI 46.* Найдя „вишневое дерево“ въ сочиненіи Ксенофана: „О природѣ“.

40. (30 К.) *Etym. gen. s. v. βρόταχον* называютъ лягушку (*τὸν βάρταχον*) іоняне и Аристофанъ, и у Ксенофана (*встрѣчается это слово*).

41. *Tzetz. ad Dion. Perieg. v. 940 p. 1010 Bernhardy* правило относительно словъ, оканчивающихся на ρος (о словѣ *σιρός*: яма для сохраненія хлѣба):

¹⁾ Какъ солнце и прочія свѣтила.

²⁾ Предполагаемый смыслъ: таково мое убѣжденіе, но оно должно считаться только вѣроятнымъ.

³⁾ Имѣются, вѣроятно, въ виду сталактитовыя пещеры, въ которыхъ, по мнѣнію Ксенофана, земля образуется изъ воды.

Силлографъ же нѣкій пишетъ долгій (слогъ) *σι*, удлиняя его, можетъ быть, какъ кажется мнѣ, посредствомъ (звука) *ζω*.

Силлографы же—Ксенофанъ, Тимонъ и другіе.

Сомнительные ффрагменты.

42. *Геродіанъ π μον. λέξεως 7, 11.* И у Ксенофана въ четвертомъ изъ Силлъ (говорится):

И пожелалъ бы юноша молодую служанку.

43. *Schol. Hom. В ad I 539.* По объясненію однихъ, вебрь (значить) „съ пѣной во рту“... Ксенофонтъ же (Ксенофанъ *G. Hermann*) говоритъ, что (это слово) по происхожденію индійское, какъ и у Эсхила въ „Эдонахъ“ (говорится): „длинноногій? развѣ это былъ вебрь?“.

44. *Атенеи IV р. 174 F.* „Ибо финикіяне, какъ говоритъ Ксенофонтъ (Ксенофанъ *Dümmler*) употребляли гинграсъ-флейты длиною въ пядень съ пронзительнымъ и жалобнымъ звукомъ“. Ими же пользуются въ плачевныхъ пѣсняхъ и карійцы, если только не Финикія называлась также Каріей, какъ можно найти у Коринны и Бакхилиды. Флейты же называются у финикіянъ гинграми отъ плачевныхъ пѣсенъ въ честь Адониса. Ибо вы, финикіяне, называете Адониса Гингромъ. какъ сообщаетъ Демоклидъ.

45. *Schol. Hippocr. ad Epid. I 13, 3. βληστρισμός* значить „метаніе во всѣ стороны“. Такъ полагаетъ Бакхей. Въ нѣкоторыхъ же копіяхъ мы нашли (слово) *βλητρισμόν* безъ *σ*. А что это слово, дѣйствительно, имѣеть значеніе „метаніе во всѣ стороны“ (видно изъ того, что) и Ксенофанъ Колофонскій говоритъ: „я скитался, переходя изъ города въ городъ“, причемъ употребляетъ (слово) *ἐβλήστριζον* вмѣсто *ἐροπταζόμεν* (*срв. В 8, 2*).

С. Подражаніе.

1. *Эврипидъ Herc. 1341—1346 (срв. В 11. 12. А 32; I 51, 6. 7).*

Я же полагаю, что боги не любятъ незаконныхъ брачныхъ ложъ, и никогда я не думалъ и никогда не повѣрю ни тому, что имъ надѣваютъ на руки оковы, ни тому, что одинъ (богъ) господинъ надъ другимъ. Ибо богъ, если только онъ дѣйствительно богъ, не нуждается ни въ чемъ. Пѣвцовъ это жалкія рѣчи.

2. *Атенеи X 413 С.* Вслѣдствіе этого и Эврипидъ въ первомъ „Автоликѣ“ говоритъ:

Ибо, хотя негодныхъ (людей) несмѣтное число въ Элладѣ, однако, нѣтъ ничего хуже племени атлетовъ. Болѣе, чѣмъ кто-либо, они и не

учатся жить хорошо да и не могли бы. Ибо какимъ образомъ мужъ, который рабъ своей челюсти и подчиненъ своему желудку, могъ бы приобрести богатство для увеличенія отцовскаго (наслѣдства)?... Порицалъ я также обычай эллиновъ, которые ради нихъ собираются для пира, цѣня глупыя удовольствія. Въ самомъ дѣлѣ, какую пользу принесъ родному городу, получивъ вѣнокъ, мужъ, отличившійся въ борьбѣ, или мужъ быстроногій, или бросившій (дальше всѣхъ) дискъ. или прекрасно ударившій по щекѣ? Развѣ съ врагами сражаются, имѣя въ рукахъ диски, или безъ щитовъ ударами руки изгоняютъ враговъ изъ отечества? Никто не станетъ глупо поступать въ отношеніи этого на войнѣ. Но, полагаю я, должно увѣнчивать листьями мужей мудрыхъ и хорошихъ, и того, кто, будучи благоразумнымъ и справедливымъ мужемъ, управляетъ городомъ самымъ прекраснымъ образомъ, и того, кто рѣчами прекращаетъ дурныя дѣла, предотвращая битвы и возстанія. Ибо это является прекраснымъ для каждого города и для всѣхъ эллиновъ.

Эти (мысли) Эврипидъ заимствовалъ изъ элегій Ксенофана Колофонскаго, сказавшаго такъ (*цит. В 2*).

12. Гераклитъ.

Эфесскій басилевсъ (см. А 1, 6 и А 2) Гераклитъ „процвѣталъ“ (акме) около 500 г.; другихъ прочныхъ хронологическихъ датъ о немъ не сохранилось, зато извѣстно, что милетскую космологію, Пифагора и Ксенофана онъ имѣетъ за собой и что Эпихармъ и Парменидъ слѣдуютъ за нимъ (Эпихармъ высмѣиваетъ ученіе Гераклита о всеобщемъ теченіи, Парменидъ явно полемизируетъ съ нимъ).

Въ древности Гераклитъ былъ прозванъ „Темнымъ“ (Скотейность)¹). Сократу приписывается изреченіе, что для того, чтобы понять сочиненіе Гераклита, нужно быть делосскимъ (т. е. весьма искуснымъ) водолазомъ. По приводимому у Діогена Лаэртія мнѣнію нѣкоторыхъ изъ древнихъ, Гераклитъ намѣренно написалъ свое сочиненіе темно съ тою цѣлью, чтобы оно было недоступно народной массѣ, которую онъ презиралъ: свою рѣчь онъ обращаетъ къ немногимъ избраннымъ умамъ. По преданію, онъ спряталъ свое сочиненіе въ святилищѣ Артемиды: не имѣя надежды найти среди современниковъ лицъ, которые бы поняли и оцѣнили его ученіе, онъ оставляетъ его для лучшаго будущаго времени (Гатіанъ и Тейхмюллеръ полагаютъ, что цѣлью этого было ограничить знакомство съ сочине-

¹) Другое его прозвище „Плачущій“ въ противоположность „смѣющемуся“ Демокриту.